

ЭКСПАНСИЯ.

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[ВРЕМЯ ВЫЗОВА]
НУЖНЫ КНЯЗЬЯ, А НЕ ТАТИ

Роман Злотников

**Время вызова. Нужны
князя, а не тати**

«Автор»

2007

Злотников Р. В.

Время вызова. Нужны князья, а не тати / Р. В. Злотников —
«Автор», 2007

Равнодушие и несправедливость можно терпеть. Равнодушием и несправедливостью можно громко возмущаться. А можно делать свое ДЕЛО и жить, не теряя человеческого достоинства, – тогда внешние обстоятельства утратят власть и равнодушия с несправедливостью в мире станет меньше. Во времена беспредела, дефицита и грядущего дефолта Андрею, Виктору и Ирине удастся не только удержаться на плаву, но и добиться успеха, не став при этом быдлом, ворьем, бандитами, ни под кого не прогнувшись. Конечно, за ними присматривают, подсказывают верный путь, и не кто-нибудь, а три библейских волхва – Каспар, Бальтазар и Мельхиор, невесть откуда взявшиеся в современной Москве. Или для каждого из трех героев это всего лишь голос совести, объясняющий, какими на самом деле должны быть жизнь, страна, человек?..

© Злотников Р. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

К читателям	5
Часть I	7
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роман Злотников

Время вызова. Нужны князья, а не тати

*Моим друзьям – Ефиму Островскому и Алексею Нечаеву,
благодаря усилиям которых и была написана эта книга.*

К читателям

Мысли, выраженные в книгах, обладают способностью становиться реальностью.

Когда я писал свою серию «Империя», мне и в голову не приходило, что когда-то в нашей стране будут делать то, что я описывал в книге. Я писал фантастику. Работа над первой книгой серии началась, когда вокруг пели: «Америкэн бой, уеду с тобой», когда одним из самых популярных анекдотов был: «Профессор, ну что вы можете сказать по поводу того, что ваша дочь стала валютной проституткой?» – «Да что тут говорить – просто повезло»; когда все вокруг говорили «эта страна»... Когда только что отгремел дефолт и моя зарплата, зарплата офицера, тогда уже полковника, составляла в пересчете на доллары всего девяносто четыре «американских рубля». А мне хотелось другого. Но никаких признаков этого «другого» вокруг даже близко не наблюдалось, и те, кто хотя бы говорил, что оно возможно, выглядели в глазах почти всех либо придурками, не понимающими, как на самом деле устроена жизнь, либо... особо злостными идеалистами, нанятыми какими-то врагами за большие деньги, дабы вешать нам всем лапшу на уши. Поэтому я писал фантастику...

А потом выяснилось, что все не так. Что если говорить не о конкретных людях, а о *родовой деле*, то это дело действительно сможет сделать род, череду поколений одной семьи если не бессмертной, то очень долго живущей. Что денег и в мире, и в нашей стране действительно может *оказаться* так много, что нам вновь станут доступны возможности глобальных преобразований как себя, так и окружающего нас мира, и все это даст возможность вновь превратить нашу страну в *державу*, то есть столп, опору, держащую на себе значимую часть мира. А именно – что моя фантастика в существенной своей части начнет постепенно превращаться в реальность.

Мне не хотелось бы, чтобы та моя серия стала реальностью *вся*. Я не хочу войны. Я не уверен, что нам стоит вновь претендовать на гегемонию в мире. И вообще, сейчас, наверное, я написал бы эту книгу по-другому. Но сейчас – не тогда...

Вот поэтому сейчас я представляю на ваш суд *эту* книгу. С тайной надеждой, что довольно скоро она тоже перестанет быть фантастикой. Ибо все в мире повторяется. И... да, в прошлом уже были времена, когда немногие зарабатывали себе богатство и власть всеми доступными способами. Но затем одни из них так и остались «нелухами», четко знающими, что «люди в конечном счете делятся на лохов и тех, кто их разводит», что «бабло побеждает зло» (или какие у них в те времена были в ходу поговорки). И теперь их деньги наши современники находят время от времени в чугунках, прикопанных на задах их бывших усадеб и в подвалах их уже давно сгнивших хором. А другие... сделали следующий шаг, возможно сначала став в глазах «нелухов» полудурками, тратящими свое, кровное, накопленное и заботливо припрятываемое, на всякую чушь и блажь. Но теперь мы узнаём про жизнь этих людей (и их потомков) по учебникам истории...

Большинство героев этой книги имеют реальные прототипы, хотя ни один из них не повторяет в точности судьбу какого-то конкретного человека. Они – образ собирательный. Но идеи, ценности, смысл, который вложен мною в уста персонажей, уже не раз обсуждались с множеством людей, среди которых были и обладающие немалыми состояниями, и властью, и

влиянием. Причем не только в России. Так что – да, совсем скоро у нас совершенно точно появятся князья. А что же до татей – начнется острый дефицит. И слава богу! Я в это верю. И для этого работаю. А вы?

Роман ЗЛОТНИКОВ 2007 г.

Часть I

Оттолкнуться от дна

«...Где он пропорол эту шину, Сергей так и не понял. Уже на выезде с окружной на дисплее бортового компьютера высветилась пиктограмма автомобиля и правое переднее колесо замигало красным, одновременно из динамика послышался противный зуммер.

– Что, сломалась? – живо отозвалась теща, сидевшая на заднем сиденье. – Я тебе говорила, «фольксвагин» надо брать. Он и дешевле был.

Сергей чертыхнулся про себя. Ну вот, опять! Дернул же его черт идти в автосалон всей семьей, вместе с тещей. Его старой машине исполнилось уже почти пять лет – крайний срок, когда автомобиль можно сдать по программе «trade in»¹, а возиться с самостоятельной продажей особого желания не было. Тем более что разница в цене была не слишком велика, рублей семьсот–восемьсот. Так что со сменой машины надо было поторопиться. А тут как снег на голову теща прикатила из Калининграда. Нет, Сергей тещу уважал, но... как бы это сказать, лучше бы на расстоянии. Теща была женщиной на подъем легкой (с покойным тестем проехали двенадцать гарнизонов), но с тяжелым характером. Тесть командовал солдатами, а теща – им. В принципе жизнь они прожили дружно, четверых детей подняли. Жена Сергея была в семье младшей. Сейчас теща жила в Калининграде и время от времени отправлялась проведать кого-нибудь из детей, будто десантник-диверсант, свирепо налетая на мирно живущие семьи троих старших сыновей и одной дочери, ставила налаженную семейную жизнь с ног на голову, после чего, довольная и умиротворенная, вновь возвращалась на «базу».

Впрочем, подобные налеты теща совершала нечасто и, как правило, с вполне «мирной» и достойной целью. Вот и сейчас она приехала не только погостить, но и забрать старшенькую к себе. До конца каникул. Так что можно было и потерпеть... теоретически. А практически пока ему приходилось туго. Теща совала нос во все щели и по любому поводу имела свое и, естественно, единственно верное мнение. Вот и в автосалоне, в который они отправились всей семьей выбирать машину, теща едва вошла, как тут же порскнула к стойке «Фольксвагена», твердо убежденная в том, что вся семья немедленно последует за ней. Сергей сначала было облегченно вздохнул и тихонько развернулся в обратную сторону – слава богу, салон был огромный, мультибрендовый, и быстро отыскать их в каком-нибудь из шоу-румов было проблематично. Он давно уже точил зубы на уазовский минивен-полноприводник «Бобер». Машина была – мечта! Сергей был заядлым охотником, да и остальные домочадцы не прочь были выбраться на выходные куда-нибудь в глушь, подальше от запруженных машинами улиц и автострад – порыбачить, грибы пособирать, так что этот полноприводник был как раз то что надо. Но жена все время ворчала, что, мол, дорого, и так на кредиты ползарплаты уходит, за дом, за мебель, и сын уже полгода просит новый компьютер (что, конечно, верно, ну да когда и у кого денег хватает?), а тут были все возможности постараться жену переубедить. Одно дело – расписывать жене разработанный совместно со «Штайр» полный привод, усиленные бигазовые амортизаторы и другие прибабасы, на что жена сердито ворчит: «Ну и езжай в этот свой Штайр, а мне еще кучу одежды покупать к школе!», а другое – когда она сама посидит в салоне, пощупает все эти идеально подогнанные рукояточки, зеркальца, полюбуется на подсветку...

Короче, жена сдалась. Окончательный удар в женское сердце был нанесен менеджером, который, поняв, что клиент созрел, а вот женщина все еще колеблется, куда-то исчез, а спустя пару минут появился, торжественно неся в руках изящную корзинку, наполненную косметикой. Как оказалось, автосалон проводил рекламную акцию, во время которой посетительни-

¹ То есть старую в обмен на новую с доплатой разницы в цене. (Здесь и далее примеч. авт.)

цам, прибывшим в автосалон выбирать автомобиль вместе с мужем, салон дарил набор косметики. Жена ахнула и закатила глаза: «О боже, это мне?! Ах, это же серия “Серебряный ангел”!»

Но, как оказалось, Сергей недооценил способности тещи. Она появилась в шоу-руме УАЗа, когда вся семья еще крутилась около выбранной машины, а Сергей только начал оформлять кредитный договор, и, окинув их орлиным взором, безапелляционно заявила:

– Нечего на эту ерунду деньги тратить. Пошли, там новый «фольсвагин», и дешевле этого.

Она так и говорила: «фольсвагин», «нокья», «арманти» – не столько даже потому, что не знала, как правильно произносить эти слова, сколько из-за того же упрямого характера. Мол, как хочу, так и говорю, и никто мне не указ!..

Жена вцепилась в корзинку с косметикой и, дипломатично заметив, что младший давно уже хныкает, просит попить, благоразумно уступила главе семейства поле боя, удалившись из шоу-рума...

С большим трудом Сергею удалось настоять на своем. Впрочем, настоять – слишком сильно сказано. Кредитный договор он подписывал под громогласные заявления тещи: «Не умели у нас машины делать и никогда не научатся!», «Вы еще меня вспомните!», «Не будь дураком, зять, пожалей хоть семью, ведь разоритесь на ремонте!». Так что, как он довел машину до дома, Сергей помнил смутно...

Он принял вправо и, занырнув в один из выгороженных «карманов» автострады, остановился. Внешний осмотр ничего не дал. С виду колесо выглядело вполне прилично, чего, впрочем, и следовало ожидать. Бескамерная «Ордынка-магистраль» с усиленными боковинами была шиной новой и, судя по рекламе, могла выдержать до двенадцати сквозных проколов, так что в принципе можно было ехать и дальше. Но пока давление в шине не поднимется до номинальной величины, зуммер будет давить на мозги. Так что самым разумным было подкачать шину.

Едва Сергей подключил компрессор к шине, как у «кармана» нарисовалась патрульная «Волга-Рысь» дорожной полиции. Полицейские выбрались из своего автомобиля, огляделись, а затем старший, небрежным жестом бросив ладонь к обрезу полицейского шлема, представился:

– Ротмистр Желябов, могу я вам чем-нибудь помочь, сударь?

Сергей включил компрессор и, выпрямившись, покачал головой:

– Нет, спасибо, офицер. Все нормально. Колесо подпустило. Решил подкачать, чтобы зуммер на нервы не давил.

Полицейский окинул его цепким взглядом, затем его глаза смягчились, и он понимающе кивнул:

– Да, бывает... – Но потом все-таки уточнил: – Значит, техпомощь не нужна?

– Нет, делов на пару минут. Да и некогда... Дочку еду встречать, во Внуково. Две недели каталась – Ирак, Египет, Греция, Италия... Она у меня в пятый класс идет.

– А-а, – понимающе кивнул полицейский, – курс школьных экскурсий «История цивилизации». Мой старший сейчас во Франции. У них по программе будущего года как раз Наполеоновские войны...

В этот момент в шлеме полицейского что-то пискнуло, и его глаза тут же расфокусировались, как это бывает, когда человек начинает к чему-то сосредоточенно прислушиваться. Спустя несколько секунд он вновь повернулся к Сергею:

– Ну что ж, раз помощь не нужна – желаю приятного пути. – И, козырнув на прощание, кивнул напарнику. Оба нырнули в машину, и через пару мгновений патрульная «Волга-Рысь», зло взрыкнув трехсотсильным мотором, ушла к горизонту.

Сергей проводил взглядом полицейскую машину и, бросив взгляд на манометр, выключил компрессор. Когда он, сунув компрессор в бокс над задним колесом, уселся на свое место, сзади тут же послышался сварливый голос тещи:

– Сколько дал?

Сергей сразу и не понял было, о чем вопрос:

– Чего?

– Ну, гаишникам сколько дал, чтоб отвязались?

Тут уж не выдержала жена:

– Ох, мама! Ну что вы, право... Сами-то когда-нибудь к полицейским с подобными предложениями обращались?

– Я – другое дело. С меня где сядешь, там и слезешь! – громко заявила теща. – А твой – пентюх! – И отвернулась с сердитым видом. Она все еще не простила зятю своеволия, проявленного при покупке автомобиля. Впрочем, вполне возможно, этого она ему не простит теперь уже никогда.

Сергей скрипнул зубами и мягко тронул машину с места...»

– Можно поинтересоваться, чем это вы так увлеклись?

Человек, к которому были обращены эти слова, аккуратно закрыл книгу и, повернувшись к внезапно возникшему собеседнику, улыбнулся:

– Да так... одна ненаписанная книга о несуществующей стране.

Собеседник, чья улыбка и без того была несколько ехидной, еще больше приподнял уголки губ и с деланным недоумением переспросил:

– Несуществующей?! Право, господин Каспар, не подозревал, что вы так предрасположены к мистике... Позвольте? – Он кивнул на стул напротив.

– Непременно. Буду рад, господин Бальтазар, – благосклонно отозвался тот, кого назвали господином Каспаром.

– Ну и как вам? – поинтересовался господин Бальтазар, вальяжно откидываясь на спинку стула и обводя взглядом панораму Кремля и центра русской столицы, открывающуюся с балкона гостиницы «Москва». Он был одет в тяжелое серое драповое пальто с каракулевым воротником и меховую шапку из каракуля же. Подбородок обрамляла изящно подстриженная бородка клинышком, делавшая его чем-то похожим на испанского гранда. А впрочем, может быть, дело было не в бородке...

– Прохладно... Однако то, что сюда еще не дошла мода на пластиковые стулья для летних кафе, несомненно радует.

Господин Бальтазар весело рассмеялся, оценив шутку.

– А вам? – вежливо поинтересовался господин Каспар. В отличие от своего собеседника, он был в плаще и берете, а его бородка относилась к тому типу, что называется «шкиперским».

– Ну... – Господин Бальтазар задумчиво вытянул губы и покосился на пару «шкафов», маячивших в углу балкона, на оцепление, на лафет с гробом и скорбную процессию, серой безликой змеей огибающую гостиницу и устремляющуюся в сторону Красной площади, прислушался к раскатам траурной музыки, прерываемым голосом диктора, с непередаваемой вселенской скорбью повествующего о том, что «проводить товарища Леонида Ильича Брежнева в последний путь пришли руководители партии и правительства, товарищи...», и... довольно улыбнулся: – Да в общем-то нравится. Потрясающе перспективный материал! Очень легко будет работать. С ними же вообще ничего не происходит по их собственной воле. С ними все *случается*. – Он улыбнулся немного снисходительно. – Смешно... Их крутит и вертит по тому, что они называют собственной жизнью, похлеще, чем осенний лист, сорванный ветром. И, что самое интересное, во всем этом виноваты они сами. Поскольку забыли, что человек должен держать в руках нити своей судьбы. И если вручает ее кому-то другому, то делает это с ясной головой и пониманием того, *зачем* он это делает и *кому* он ее вручает. А они отказались от этого права.

– А разве во всем остальном мире не так? – нейтрально осведомился господин Каспар.

– Не-э-эт, – мотнул головой господин Бальтазар, – не так. – Тут он запнулся, покосился на господина Каспара и усмехнулся. – Ах, вот вы о чем... ну, тогда не совсем так. *Такого абсурда нет нигде. Посудите сами. Они не живут, они доживают!* До полочки, до отпуска, до пенсии, до... понедельника. – Тут он весело рассмеялся. – Да, я забыл, они же не зарабатывают, а *получают!* Да-да, тут так и говорят. Сколько ты *получаешь?* Совершенно забыв о том, что получать можно только милостыню или подачку, но не то, что ты действительно заработал. Здесь носят, едят, пьют не то, что хотят, а то, что *достали*, то, что, – господин Бальтазар презрительно сморщил нос, – *выкинули!* Они вечно борются то «с», то «за», то «против». Все вместе... в едином строю... все как один... гневно отвергнем... горячо поддержим... И в то же время основной доблестью здесь является *неучастие*. Вернувшись из «единого строя», где «весь советский народ плечом к плечу» борется, скажем, за урожай, на свою собственную кухню, они хвастаются друг перед другом тем, что *не подписали* или *не присутствовали* на профсоюзном собрании, *не рассказали* начальству или *не сообщили* в соответствующие органы. Они – люди НЕ. – Тут господин Бальтазар усмехнулся и закруглил свой монолог несколько более игривым тоном: – Вернее, два последних слова вполне можно поменять местами. Так будет вернее... А знаете, что самое интересное? Они сами хотят перемен. – Он восторженно закатил глаза. – Я уже давно не встречал такого яростного желания перемен. Причем дело даже не в том, что они надеются, что перемены будут к лучшему... – Он весело рассмеялся. – Наивные, за столько тысячелетий люди так и не смогли понять, что перемены никогда не бывают к лучшему... Но эти просто хотят перемен. Любых!

– И вы принесете им их?

– Да, – господин Бальтазар выпрямился, – я помогу им получить то, чего они так страстно желают. А именно – ОГРОМНЫЕ перемены. Во всем: в образе мыслей и образе жизни, в одежде, в привычках, в моральных нормах, в жизненных и карьерных перспективах... Более того, в этом Творении от меня будет намного меньше, чем от художника в любой его картине или от композитора в любой музыкальной пьесе. Они сами все это с собой натворят. – Тут господин Бальтазар расхохотался во все горло и закончил тоном, в котором опытное ухо смогло бы различить намеки на то, что произносимая фраза, скорее всего, цитата: – И так им, сволочам, и надо! Не так ли, мой друг Мельхиор?

Когда у столика появился третий, никто не заметил. Впрочем, судя по реакции двух собеседников, они не только не удивились его появлению, но вроде как были совершенно уверены, что он здесь...

Тот, кого называли Мельхиором, не торопился с ответом. Он поднял чашку с дымящимся кофе, поднес ко рту, сделал маленький глоток и вновь поставил чашку на столик. И лишь после этого кивнул:

– Да, вы правы, для большинства... э-э-э... *живущих*, как правило, перемены действительно будут казаться чем-то ужасным. А вот для тех, кто способен и хочет *стать*... это еще как посмотреть. Когда мы стояли у тех яслей в Вифлееме, тоже ведь было ясно, что мир ждут перемены. И какие! И кто скажет, что мы были не правы?..

– Ох уж мне эта ваша любовь к парадоксам, – с таким ленивым раздражением произнес господин Бальтазар и откинулся на спинку стула, а затем, покосившись на чашку кофе, задумчиво произнес: – Может быть, и мне заказать кофе?

– Не советую, – усмехнулся господин Каспар, – здесь подают преотвратный кофе.

– Ну... – рассмеялся господин Бальтазар, – я не думаю, что это будет для нас такой уж проблемой. – Он повернулся к одному из «шкафов»: – Эй, капитан!

Тот быстро подскочил к столу.

– Слушаю, товарищ генерал! – Его лицо излучало самую яркую исполнительность. Что это был за генерал и кто были его гости, он представлял смутно, но в том, что это именно генерал и

еще какие-то важные шишки чуть ли не из самого Политбюро, был уверен совершенно твердо. Хотя вздумай кто спросить, откуда у него эта самая уверенность...

– Принесите-ка нам кофе.

– Кофе?! – На сумрачном лице капитана нарисовалось удивление. – Так это... закрыто всё. Вы ж сами распорядились. Похороны же...

– Ну так пусть откроют. Тем более что процессия уже прошла, так что смысла мерзнуть... – И он передернул плечами.

– Слушаюсь, – с натугой произнес капитан и быстренько испарился.

– Но ведь перемен-то жаждут не только те, кто способен и хочет *стать*, а все, – продолжил господин Бальтазар, повернувшись к Мельхиору.

– А они просто еще не знают, что такое *стать*. Они думают, что уже стали. Уже выросли, поумнели и что-то значат... – грустно произнес господин Каспар и добавил: – Как и везде.

– Ну-у, зная вас, я думаю, вы снова надеетесь, что на этот раз у вас получится заметно лучше, чем раньше, – повернулся к нему господин Бальтазар.

– Да, – кивнул господин Каспар, – а иначе зачем всё?

– И... это связано с этой вашей ненаписанной книгой? – Он кивнул на красный картонный переплет с золотым тиснением.

– И с этим тоже.

– И каковы шансы на то, что ее все-таки напишут?

Господин Каспар улыбнулся и пожал плечами. На этот вопрос отвечать было необязательно. Потому что он скрывал в себе другой, намного более важный – о том, возможна ли та еще несуществующая страна...

А господин Бальтазар, похоже, и не ждал ответа. Он понимающе кивнул и повернулся к господину Мельхиору:

– Ну ладно, пора приступать. Друг мой, я бы хотел, чтобы вы, как э-э... мастер иллюзий, совершили нечто символическое. То есть подали бы этой стране некий знак, небольшой, не всем понятный, но глубоко символический. Не окажете ли подобную любезность?

Господин Мельхиор кивнул, улыбнулся и, поставив чашку с остатками кофе на столик, торжественно приподнял руки и неторопливо свел ладони вместе, будто совершив этаким медленный хлопок. И в этот момент у офицера, опускающего гроб с телом верного ленинца, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, вдруг дрогнули руки, и тяжеленная домовина на глазах у всей страны рухнула на дно могилы...

Глава 1

Деда убили прямо у подъезда.

В его старом доме не было мусоропровода, поэтому приходилось тащить мусор к бакам, что стояли у соседнего дома, метрах в трехстах от подъезда. Раньше баки стояли гораздо ближе, у левого крыла дома, но с тех пор как дом расселили, их убрали. Ну типа кому они нужны, если жильцов практически не осталось. Но на самом деле таким образом пытались повлиять на самых несговорчивых. Хорошо хоть газ и электричество все-таки удалось заставить включить. Дед тогда надел форму, все свои ордена, вывел из гаража свою древнюю «Волгу», торжественно догромыхал до районной управы и, бесцеремонно отодвинув бросившуюся на него секретаршу, ворвался в кабинет главы администрации как раз во время совещания с вышестоящим руководством из мэрии. Там он жакнул кулаком по столу и наорал на побагровевшего главу. После чего пообещал, что, если тот не перестанет «гнобить людей», дед поедет в свою бывшую дивизию, поднимет ее «в ружье» и устроит ему *la mère de Cuska* (кузькину мать).

Дом был старый, еще довоенной постройки, как их называли, сталинский. В то же время он был не из числа самых престижных, потому что когда-то строился как ДОС (дом офицерского состава) для персонала бомбардировочной дивизии, базировавшейся на аэродроме, который примыкал к городским окраинам. Поэтому жильцы в нем были разношерстные. Многие квартировали здесь еще со времен аэродрома. Но за это время город сильно разросся, аэродром ликвидировали и застроили, так что теперь район был самым что ни на есть центральным и престижным. А сам дом благодаря прочным стенам и высоким потолкам привлекал жадное внимание. И хотя большинство квартир в доме были коммунальными, занимали их по большей части одинокие старики. Так что расходы на расселение не должны были быть такими уж высокими. Шустрые молодые люди, настойчиво звонившие в квартиры, предлагали старикам просто потрясающие условия: собственную квартиру (правда, в спальном районе на другом конце города), помощь с переездом, солидную прибавку к пенсии, постоянную домработницу. Народ сначала не верил. Но после того как шестеро стариков, согласившихся на продажу, были с помпой перевезены на новое место, а затем, после месячного перерыва, появились в своем старом дворе, привезенные туда на машинах теми же шустрыми молодыми людьми, и порасказали, как сладко им теперь живется, начался настоящий ажиотаж.

Дед с самого начала был категорически против. Не столько даже подозревая обман, сколько по жизни считая, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И на первых порах к нему вроде как прислушивались. Но после появления шестерки народ как с цепи сорвался. Уж больно боялись упустить такую халяву. Так что продажи квартир пошли лавиной. А если процесс притормаживался, то в старом дворе вновь появлялся кто-нибудь из первой шестерки и живописал, как «эти порядочные молодые люди» раздобыли ему путевку в бывший цеховский санаторий. Но, что странно, никого из второй волны переселенцев в бывшем дворе не появилось. Уехали и сгинули. Более того, кто-то из оставшихся, решивший было провести бывших соседей, приехав по указанному адресу, обнаружил там совершенно других людей. Но шустрые молодые люди побожились, что просто напутали с адресом. Да и оставшихся осталось немного. Во всем доме не согласились на продажу и переезд только пять семей. Да и те скорее потому, что был дед. Иначе бы их довольно скоро выжили. Попробуй-ка пожить в доме, где нет тепла, воды, света и газа. Да и вообще, Петра Демьяновича в доме уважали. Когда формировали бомбардировочную дивизию, квартиры так и остались в ведении Минобороны, поэтому солидная часть жильцов была из состава дедовой дивизии. А командиром он был добрым, правильным, шкуру драл всегда по делу и своих в обиду не давал. Ну да они, фронтовики, народ особый... Так что, пока дед упорно отказывался продать свою квартиру, всем остальным можно было не шибко опасаться.

В тот вечер дед, как обычно, понес выносить ведро сразу после программы «Время». У самого подъезда стояли трое. Вроде как пили что-то. Сосед, как раз выглянувший в это время в окно, видел, как дед остановился и начал им что-то сердито выговаривать. Те огрызнулись, но, похоже, послушались. Так что дед двинулся дальше, покачивая старым эмалированным ведром. Внутри кремовым, а снаружи зеленым. Андрей помнил его еще с того времени, когда, приезжая к деду погостить, сам выносил мусор. Тогда еще не было никаких баков, зато каждый вечер во двор приезжала «мусорка». В пять часов. Народ заранее собирался у угла дома с ведрами и ждал. Люди курили, обменивались новостями, увиденными и услышанными «в телевизоре», каковые тогда были не у всех, и свежими сплетнями. У Андрея спрашивали, как он учится, как здоровье Петра Демьяновича, гладили по головке, а иногда и угощали конфетами. Барбарисом или ирисками. Ни те, ни другие Андрей не любил, но вежливо брал...

Обнаружила деда другая соседка, из соседнего подъезда. Дед лежал на животе, его затылок был размозжен чем-то тяжелым, снег вокруг головы подтаял и напитался кровью, а в правой руке была зажата дужка старого эмалированного ведра. Внутри кремового, а снаружи зеленого...

На похороны Андрей едва не опоздал. Он специально поменялся дежурством по полку, чтобы получить еще день к тем трем суткам, на которые ему предоставили отпуск по семейным обстоятельствам. Да и тот дали со скрипом. В перечне, указанном в Положении о прохождении службы, отпуск по семейным обстоятельствам предоставляется только для похорон близких родственников, как то: муж, жена, дети и родители. Дедов и бабок к близким родственникам не относят. Так ему и сказал начальник строевой части. К счастью, некоторые из командиров деда еще помнили. Так что он получил-таки отпуск. А начальник строевой части – нагоняй. Ну да плевать. У Андрея с ним и так отношения были не очень. Он вообще с людьми ладил не слишком хорошо. Может, потому, что дед воспитал его в собственном несгибаемом духе. Мать все время качала головой и причитала: «Ох и тяжело тебе будет в жизни, Андрейка, с таким-то характером. С людьми ладить надо, умнее быть, хитрее. Дедовы вон однополчане уже давно в Москве сидят, округами командуют, а он со своими орденами да Героем едва до дивизии поднялся. Да и то непонятно как».

Но Андрею всегда была ближе позиция деда. «Я, Андрейка, может, и не все блага заработал, зато и себя не потерял. А всего в жизни все одно не получишь. Все время будет кто-то, кто больше преуспел. И вообще, чего мать меня с тремя моими однополчанами равняет, кто выше задрался, пусть-ко с теми сравнит, кто после того же моего ФЗУ так слесарем третьего разряда жизнь и прожил. И вообще, из моего класса из восемнадцати парней в живых-то всего трое осталось... Или, скажем, с теми, кто трудностей и обид всяких не вынес, да и спился под забором. Вот энти-то как раз и умнее, и хитрее быть старались, начальству угодить, прогнуться. Так и допрогибались... Если человек себя теряет, то нет у него в жизни никаких перспектив. Как высоко судьба ни забросит – все одно рухнет, не удержится».

Похороны прошли скудно. Военкомат выделил оркестр и почетный караул. А вот с продуктами было туго. В магазинах – хоть шаром покати. Один маргарин. Слава богу, помогли из дедовой дивизии. Но и народу пришло много. Мать ворчала, что такую прорву прокормить – легче удавиться, но на людях рыдала навзрыд и причитала, что «Петр Демьянович ну просто отец родной был». Андрей знал, что на самом деле все было не так благобно. Дед мать недолюбливал, считал, что между ней и отцом особой любви не было. То есть отец-то да, влюбился, а вот мать расчетливо окрутила генеральского сынка. Но такой расчет в жизни редко оправдывается. Если люди жизнь только лишь по расчету строят, то им потом всю жизнь кажется, будто их в чем-то обманули: и денег мало, и тряпки не те, и возможностей не столько, на сколько рассчитывали. Так у матери и вышло. По ее выходило, что у друзей и знакомых всё всегда лучше – у Никитиных квартира, Самичевы дачу лучше построили, Полоскуны машину раньше

купили, а Темиркановы вообще так извернулись, что за границу работать уехали. Так что у них с дедом отношения были не очень.

На следующий день после похорон Андрей пошел к следователю. Следователем оказался довольно молодой парень, если только чуть постарше его самого, хотя и работающий в органах уже не первый год. Ничего серьезного по существу дела Андрей рассказать не мог, так что с формальностями закружились быстро.

Когда Андрей послушно подписался внизу каждого листа протокола, он поднял глаза на следователя и спросил:

– Слушай, а как ты думаешь, как скоро их найдут?

– Ну ты даешь, – усмехнулся парень. – Откуда ж я знаю?

– А чего тут знать? – удивился Андрей. – Ясно же, что это та фирма, что квартиры в доме скупала.

– Во-первых, совершенно не факт, – хмыкнул парень, – сегодня много всякой швали по помойкам крутится. А дед у тебя был настырный. Могло и случайно сложиться...

Андрей скрипнул зубами.

– Ну ты же сам в это не веришь!

– Ну, во что я верю, а во что нет – к делу не пришьешь. – Следователь вздохнул. – А тебе могу по дружбе сказать, что лучше бы оно так и оказалось. Потому что в другом случае могут вообще никого не найти.

– Почему? – вскинулся Андрей.

– Ну... – Следователь пожал плечами и, словно испугавшись того, что ляпнул, тут же перешел на безразличный тон: – Суду же нужны юридически выверенные доказательства. Так что... будем работать. – И, протянув руку, закруглил разговор: – Желаю удачи, Андрей Альбертович. Если вы нам понадобится – мы вас известим.

Вечером, когда Андрей сидел перед телевизором и тупо пялился на экран, с которого очередное *лицо* с горящими глазами вещало о свободе и демократии, к нему подседа мать.

– Андрюш, мне надо с тобой поговорить.

– Да, мам, – отозвался он.

– Я думаю, нам надо подумать о твоём будущем.

Андрею внезапно стало душно. Последний разговор дед начал именно такими словами. Но совершенно ясно, что смысл у разговора с матерью будет абсолютно другим. Он с трудом сглотнул, моргнул и почти нормальным голосом ответил:

– Я слушаю, мам.

– Того, что произошло, уже не изменишь. Ты сам знаешь, как все мы любили и уважали отца, – на этом слове голос матери слегка дрогнул (насколько Андрей помнил, мать так называла деда, только когда обращалась к отцу, причем в раздраженном настроении – «скажи своему отцу...», «перестань тыкать мне в глаза своим отцом...», «если бы твой отец был поумнее...»), – но теперь нам надо научиться жить без него.

– Да, мам, – тупо кивнул Андрей, не понимая, куда она клонит.

– Понимаешь, Петр Демьянович был во многом сам виноват, нечего было против силы переть. Время сейчас такое, что сила солому ломит. Все его заслуги и регалии денег не перевесят. Ему же хорошие деньги предлагали, надо было соглашаться, а не упираться как... кхм, то есть я хочу сказать, что мы не должны повторять его ошибку.

– Какие деньги, мама, какие деньги? – тоскливо произнес Андрей. – Ты же сама слышала, как тетя Катя рассказывала. По половине адресов, куда старики выехали, совсем другие люди живут. Дядю Пашу из семнадцатой квартиры вообще племянник с трудом отыскал – его в какой-то подвал заселили.

Мать сердито поджала губы.

– Ничего, Петр Демьянович был человек известный – его бы обмануть не рискнули. А в чужие дела лезть нечего. Время сейчас такое: меньше знаешь – крепче спишь. И вообще, что случилось, то случилось. Пусть теперь милиция работает. Так я говорю, Альберт?

Отец, всю жизнь проживший под каблуком у матери, покорно кивнул.

– Ну вот. – Лицо матери смягчилось. – А мы на эти деньги тебе квартиру купим. Тебе уже жениться пора. Вон у Константина Алексеевича дочка экономический заканчивает и работает уже, в Пассаже.

– Мам, – вздохнул Андрей, – какая квартира, какая свадьба? Надо сначала тех подонков найти, что деда убили. Ведь дураку ясно, это те, кто дедову квартиру купить хотел.

– И ничего не ясно! – возвысила голос мать. – Может, и наркоманы какие. Следователь говорил, дед тем вечером с какими-то алкоголиками у подъезда поругался, соседи видели. Вот они и... сам знаешь, время сейчас какое. И вообще, не твое это дело. Тебе служить надо, в академию поступать. А с этим пусть милиция разбирается. Так ведь, Альберт?

Отец снова кивнул и робко заметил:

– И правда, Андрюш...

– Я никуда не поеду, – упрямо набычился Андрей. – И если милиция тех подонков не найдет, сам их отыщу.

– И потом что? – вскинулась мать. – Ну отыщешь. Что с ними сделаешь? В милицию сдашь? Так там и разбежались! Сам приедешь? Так тебя посадят или тоже прибудут! А ты нам живой нужен! Да и неизвестно, отыщешь ли. Ты у меня такой же пентюх, как и твой отец. Тебе что ни расскажи – всему веришь. Оттого-то дед тебе голову и задурил. Тоже мне розыскник нашелся. А вот нормальных денег нам тогда за квартиру не видать.

– Мама!

– Что мама, что мама? Ну да, приходили ко мне приличные люди, соболезнование выражали. С продуктами вот помогли. Нам ведь еще деду девять дней отмечать... только я всех этих его ветеранов звать не намерена. Сами посидим, семьей. И денег обещали прилично. Только если у них *издержки*, – это слово мать произнесла с каким-то внутренним удовольствием, вроде как прикоснулась к чему-то значимому, – не сильно вырастут. А ведь сам знаешь: если всякие глупые слухи пойдут, то непременно вырастут.

– Мама! – Андрей вскочил на ноги. – Ты что?! Ты понимаешь, что ты говоришь?! Ты предлагаешь нам взять деньги от убийц деда! И как раз за то, что мы им все простим и будем молчать в тряпочку. Да как же ты можешь?!

– Да нет, Андрей, что ты! – Мать испуганно замахала руками. – Ни в коем случае. Просто... я говорю, не надо торопиться. Пусть милиция отыщет убийц, это ж, в конце концов, ее работа, а мы пока продадим квартиру, купим тебе. Я ведь об этом. В конце концов, может оказаться, что эти господа и вовсе ни при чем. А знаешь, сколько мы можем потерять? Ну скажи же ему, Альберт!

Вечер закончился тем, что Андрей ушел в свою комнату, с размаху саданув дверью о косяк. Но еще долго из-за двери слышался бубнеж матери: «...все твой отец... я давно говорила».

Следующий месяц для Андрея прошел будто во сне. Он ходил на службу, занимался с бойцами, вечерами вместе с механиками-водителями ковырялся с дизелем «тройки», одного из танков взвода. Работать в парке по вечерам можно было только по специальному разрешению и в присутствии старшего офицера. Но домой идти не хотелось, да и вообще никуда не хотелось, потому что внутри, в груди, застыл тяжелый ледяной ком. Так что Андрей частенько оставался ночевать здесь же, в казарме, приказав дневальным затащить свободную койку в ротную канцелярию.

Как-то вечером позвонила мать. Нейтральным тоном она сообщила, что «разобралась» с дедовой квартирой, и если Андрею хочется что-то забрать себе на память, то нужно это сделать поскорее.

На следующий день Андрей поехал на дедову квартиру.

Старый дом встретил его темными окнами. Похоже, за это время съехали последние жильцы. Андрей толкнул дверь подъезда и вынужден был остановиться. Судя по всему, в доме все-таки отключили электричество. Темень стояла такая, что хоть глаз выколи. Андрей достал из кармана зажигалку, чиркнул кремнем и начал осторожно подниматься на этаж, едва различая ступеньки в призрачном свете горящего огонька. Поднявшись, он остановился у знакомой двери, обитой стареньким дерматином. Постояв несколько мгновений, вытащил старый, слегка погнутый ключ с двойной бороздкой и направил в замочную скважину. Дверь дрогнула. Андрей убрал ключ и толкнул тяжелую створку.

В квартире было пустынно. Большая часть мебели отсутствовала. То ли выбросили, то ли мать вывезла. И ведь к нему не обращалась даже. Ну, солдат там попросить... Андрей прошелся по комнатам. В спальне осталась лишь старая железная кровать с никелированными шарами на спинках. А в гостиной – только древний диван, стол с совершенно испорченной столешницей и старый книжный шкаф со скрипучими дверками. Пустой. Да еще пара фотографий на стене. Старых, очень старых... в простых сосновых рамках... и именно поэтому, возможно, так и не привлечших внимание матери. Обе были еще фронтовой поры. На одной из них был дед, еще совсем молоденький лейтенант, запечатленный среди своих бойцов. Андрей знал, что этот снимок делал корреспондент дивизионной газеты, когда готовил заметку о подвиге разведчиков, захвативших «языка» и подорвавших почти сотню фашистов в их собственных блиндажах. Подкрались ночью, сняли часового, забрались на земляные крыши блиндажей и ухнули в печные трубы по противотанковой гранате, те разорвались внутри массивных чугунных печек, посекали осколками чугуна все живое... Дед рассказывал ему об этом случае. Андрей вообще любил слушать рассказы о войне. У них с дедом это называлось «быль»... А на втором снимке – дед и бабушка. Дед уже чуть постарше, на один военный год, с усами, с орденом и парой медалей на груди. В сорок втором еще не очень щедро награждали. И бабушка, молоденькая, в простом ситцевом платице и вроде как несколько испуганная тем, что такой статный офицер и настоящий герой (вон сколько наград) обратил на нее внимание...

В прихожей скрипнула дверь. Андрей обернулся. В коридоре пробежал по стенам луч фонаря, а затем в комнату осторожно просунулась чья-то физиономия.

– А-а, это ты...

Человек шагнул вперед, бросил на пол большую сумку, которую нес в левой руке, и осветил себя. Это оказался Венька Гриценко из соседнего подъезда. Они вместе ходили в первый класс. Мать тогда еще только заканчивала институт (поступить в который ее заставил как раз дед), так что Андрей по большей части жил у деда. Чтобы не мешать учебе. Так и отучился первые три класса. А потом перешел в другую школу, уже рядом с домом родителей.

Венька огляделся.

– Тоже ищешь, чего продать, или так зашел?

Андрей непонятливо нахмурился:

– Как это?

– Ну... многие свои старые вещи не стали брать, так здесь и бросили. А мы с ребятами надыбали канал. Финны на нашу старину очень даже нехило западают. Вот мы и таскаем им – керогазы всякие, утюги старые, зеркала, стулья. Кое-что, конечно, приходится почистить там, подшаманить, но ничего, нормальные бабки платят.

– Да нет, – качнул головой Андрей. – Я так... прошаюсь.

– Понимаю, – после короткой паузы кивнул Венька, затем внезапно оживился: – А знаешь что, давай помянем Петра Демьяныча, хороший человек был. – Он наклонился к сумке и

извлек оттуда початую бутылку водки, пару помятых кружек и завернутые в одну газету кусок колбасы и полбатона. – Это я греюсь, – хохотнул он. – В квартирах-то холодно, отопление еще на прошлой неделе отключили.

Они уселись на заскрипевший диван. Молча разлили водку, хряпнули не чокаясь и торопливо зажевали, попеременно откусив от колбасы и батона. Венька вальяжно откинулся на спинку. Похоже, он уже до того порядочно «погрелся».

– Ну а ты сам как? – спросил он.

– Что как? – переспросил Андрей.

– Чё дальше делать думаешь-то? Все так же служить?

– Ну... да.

– Зря, – авторитетно заявил Венька. – Я тебе скажу, сейчас в погонах – никаких перспектив. А вот на гражданке такие возможности открываются, – он округлил глаза, – такие бабки делать можно, и совершенно просто.

– Просто даже кошки не рожатся, – хмыкнул Андрей.

– Брось, – Венька пренебрежительно махнул рукой, – надо только отбросить все эти сопли, которыми нас пичкали в школе и... в комсомоле, и рубить деревянные. Время сейчас такое, что можно нехило приподняться. Надо только первоначальный капитал накопить...

– И как же ты его накопишь? – усмехнулся Андрей.

Венька внезапно выпрямился и испытующе уставился на него:

– Слушай, а хочешь со мной хорошие бабки заработать? Не обижу. Дело есть – верняк. Заодно и за деда твоего отомстим.

– Как это? – слегка севшим голосом спросил Андрей.

– А вот так, – возбужденно заговорил Венька, – мы этих ребят, что тут химичили, на хорошие бабки выставим. Вот смотри. – Он потянулся к сумке, извлек из нее толстую папку, торопливо развязал шнурки и, наклонившись к свету, продолжил: – Они же нас тоже обжулили. Обещали новую трешку, а предоставили такое дерьмо... да еще на предков так наехали, что те и рот открыть боятся... Ну ничего, я с ними посчитаюсь. Я всю их химию раскопал, вот смотри: Аникеевым из второго подъезда – ну помнишь, у них еще собака Жулька была? – обещали двушку, а заселили в полуразвалившуюся общагу на Советской. Баба Тоня Полуянова вообще нигде не числится, так же и Сумина, Постышев дядя Женя... да у меня тут вообще таких сорок семь фамилий, ну, которые нигде не значатся, понимаешь?

– Они их что, всех убили? – глухо спросил Андрей.

– Да кто их знает, – отмахнулся Венька. Его глаза возбужденно блестели. – Да и не в этом дело. Они-то думают, что все замазано, ан нет... я их за всё заплатить заставлю... они мне такие бабки отвалят...

Андрей вздрогнул:

– Ты что, не пойдешь в милицию?

– А толку? – Семен махнул рукой. – Что это даст? Ты думаешь, милиция не куплена? Все вокруг куплены. Да и вообще, никого уже не вернешь. А вот заработать можно легко... Так что давай вместе. Ты все-таки военный. У тебя же, наверное, и пистолет есть. А деньги поделим. Я знаю, кто у них главный, и адрес имеется. Он себе такую домину отгрохал в Заречье! Ну, где обкомовские дачи... Его дом сразу видно – огромный такой, из красного кирпича с зеленой крышей. Три этажа и пять окон по фасаду, с башенками. Он там один такой.

Заречье Андрей знал. У них там был танкодром. Конечно, не в самом поселке, а подальше, километрах в пяти. Туда вела проселочная дорога, проходящая в полукилометре от зеленого забора, отгораживающего поселок от простых смертных. И дом тот он вроде как видел...

– Ну как, входишь в долю? Четверть отстегну!

Голос Веньки вернул Андрея в эту комнату.

– Дурак ты, – устало произнес он, – так они тебе и заплатят. С чего бы? Сам же говоришь – у них все куплено.

– Так пусть и меня купят! – совершенно искренне удивился Венька его непониманию жизни. – Я ведь много не попрошу. Штучек этак тридцать – сорок.

– А если они тебя просто грохнут?

– Э-э нет, – засмеялся Венька, – меня так просто не возьмешь! Я не дурак, свою папочку с собой тащить не собираюсь. Схороню ее у надежного человечка да накажу ему, если со мной что-нибудь случится – тут же передать ее куда следует. Ну как, вступаешь?

– Нет, – мотнул головой Андрей, – я с ними ни в какие финансовые дела вступать не собираюсь. Они мне по-другому заплатить должны.

Венька окинул его снисходительным взглядом:

– Ну и дурак... – Он закрыл папку, засунул ее обратно в сумку и повернулся к Андрею с посуровевшим лицом: – Только уговор: о моих делах – молчок. А за это я тебе потом, когда все проверну, свою папочку отдам. Сам с ней по милициям бегай. Посмотрим, чего выбегаешь. Лады?

Андрей молча кивнул...

Венькина мать появилась у них дома через полторы недели после этой встречи. Андрей как раз ненадолго забежал домой, чтобы поспать перед дежурством. Едва он вошел в прихожую, как по ушам резанули сдавленные рыдания, доносившиеся из кухни:

– ...Я уж и не знаю, что и думать...

– Андрей, это ты? – послышался с кухни голос матери. – Зайди к нам.

За кухонным столом сидела мать Веньки с красным носом и зареванными глазами и мяла в кулачке мокрый платочек.

– Андрей, это мама Вени Гриценко. Ну ты помнишь... Веня пропал неделю тому назад...

– Да-да, – мелко закивала мать Веньки, – неделю уже. Я уж всех обегала. Из его знакомых ребят никто не знает. Только вроде как Веня говорил, что скоро заработает много денег. Я и к Тане ходила, это его девушка. Так и Таня говорит, что ничего не знает, только мне показалось, она вроде как напугана очень...

Андрей медленно покачал головой:

– Я тоже ничего не знаю. Мы с ним виделись где-то недели полторы назад. Случайно встретились. В старом доме. Деда помянули, поговорили и разошлись.

– Да-да, мне Венечка рассказывал, – вновь закивала его мать, – я поэтому и пришла. А вдруг ты знаешь что-то? Я уж не знаю, что и делать. В милиции говорят – должен месяц пройти, прежде чем заявление примут...

На следующий день, сменившись с дежурства, Андрей отправился к следователю. Он рассказал ему все, что узнал от Веньки. Следователь слушал его, нейтрально отводя глаза. А когда Андрей закончил, поинтересовался:

– А папочки этой у вас не осталось?

– Да нет же. Я же говорю, он мне после обещал отдать...

Следователь кивнул и глубокомысленно задумался.

– Что мне вам сказать, гражданин... информацию вы принесли интересную, но подтверждений ей никаких. Так что тут скорее вам обвинение грозит – за клевету. И не думайте, это я не грожу и не пугаю, а просто констатирую факт. Потому как доказательств у вас никаких. Одни слова.

– Но это же просто! – вскинулся Андрей. – Достаточно проехать по адресам, по которым они людей переселили, и все станет ясно.

– Ездили, гражданин, ездили, – пояснил следователь, – не по всем, конечно, но по многим. И не выявили никаких правонарушений. Все переехавшие довольны предоставленным жильем и претензий к фирме не имеют.

– Да их просто запугали!

– И вы готовы это доказать? – усмехнулся следователь. – Причем в тот момент, когда те, кого вы пытаетесь защищать, будут в голос утверждать, что они всем довольны и всё, что вы говорите, – это просто ваши фантазии?

– Ну... – Андрей запнулся. – Вы же можете...

– Мы можем только то, что написано в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексе. А там написано, что если нет пострадавших и признаков преступления, то нет и самого преступления. А пострадавших – нет. И признаков преступления нам тоже обнаружить не удалось.

– А как же дед?

– А это совсем другое дело, – развел руками следователь, – и никаких железных, юридически выверенных оснований, каковые в любом суде ни один адвокат оспорить не сможет, у меня нет. А твои или, скажем, мои умозаключения я использовать не могу. Потому что если я это сделаю, то любой мало-мальски грамотный адвокат не оставит от моих выводов камня на камне... Пойми, – начал он другим тоном, – вот, скажем, ты машину водишь?

– Можно сказать и так, – угрюмо усмехнулся Андрей, представив свою «машину».

– Что у тебя в цилиндрах горит? Бензовоздушная смесь, так ведь? А что, к примеру, будет, если у тебя в цилиндрах окажется самый что ни на есть лучший бензин, но почти без воздуха?

– Заглохну.

– Вот! – Следователь поднял палец. – Так что какая бы отличная у нас ни была милиция, без воздуха, то есть всемерного содействия граждан, ничего у нас не выйдет. А граждане боятся или не хотят. Мол, ничего не знаю – моя хата с краю. Вы милиция, вы и работайте. А как? Мы же не бандиты, которым никакой суд не указ и никакой адвокат не помеха. И сделать что-то мы можем, только если *сам* гражданин озаботится соблюдением закона и восстановлением справедливости – время свое потратит, показания даст, да не откажется от них в суде, да не испугается, когда бандюки на него первый раз наедут. Потом-то мы можем охрану дать, потому как опять же основания появятся, а не просто умозаключения, а вот в первый раз ему самому придется натиск выдержать. Вот тогда мы и победим.

– Если милиция хорошо работает, то и граждане... – начал Андрей.

– А мы что, в другой стране живем? – перебил следователь. – Что, если в стране такое творится, причем с одобрения с самого верха, у нас все в порядке будет? Ну ничего, – его глаза зло сверкнули, – они еще заплачутся. Они думают, если бабок нарубили и пару мордovorотов в охрану наняли, так теперь всё – в безопасности? А вот хрен! Настанет день, и они еще заплачут горькими слезами... над своими могилами...

Уже прощаясь, Андрей не выдержал и спросил:

– А что там с дедовым делом?

Парень пожал плечами:

– Работаем, отрабатываем версии... – И по его тону Андрею стало ясно, что никакой надежды нет...

Еще через день рота должна была ехать на танкодром. Последнее время такие выезды стали очень несчастными. Да что там говорить – почти совсем прекратились. Из механиков-водителей последнего призыва на танкодроме еще не был ни один. Как учить солдат в таких условиях, Андрей не представлял. Армия разваливалась, постепенно превращаясь из серьезной боевой силы в скопище насильно или от безысходности собранных людей, влачащих полунищенское существование. Честнее было бы оставить от дивизии батальон для охраны складов и парков – во всяком случае, пока не отправят технику на переплавку, – а остальных отпустить на гражданку, честно сказав: «Живите как хотите, а на то дело, что вы выбрали как дело всей своей жизни, у *этого* государства денег нет». Но так тоже не поступили, поэтому оставалось

только терпеть и надеяться. И радоваться тому, что время от времени случаются чудеса вроде сегодняшнего выезда на танкодром.

Когда они проезжали мимо обкомовских дач, Андрей вылез из люка и, поднеся к глазам бинокль, уставился на дом, о котором ему рассказывал Венька. Дом был огромный, аляповатый. Данилыч, старшина роты, называл такие «пережравшими коммуналками». Вокруг дома шел пижонский забор из красного кирпича, а въезд перекрывали кованые ворота на кирпичных столбах с фонарями. Да и кирпич был, судя по цвету, не простой, а финский...

Вожделение отработали плохо. Кармазин, из молодых, даже умудрился слететь с kolejного моста, да так, что его танк пришлось стаскивать буксиром. Ротный обматерил Андрея и в наказание заставил остаться после всех и собрать матбазу. Так что обратно в парк Андрей ехал один. Вечерело. Когда они выехали на проселок, ведущий мимо обкомовских дач, небо на востоке уже потемнело. В домах зажглись окна. И в том тоже. Обед на танкодром привезли скудный, едва хватило на солдат, поэтому у Андрея уже сосало под ложечкой. И он вдруг ясно представил, как некто, жирный наглый боров, вылезает из ванны, надевает махровый халат и шлепает босиком вниз, в кухню, чтобы залезть в холодильник, достать оттуда финский сервелат, черную икру, масло, и, усевшись за стол, мажет себе бутерброды... А потом вдруг навалилось осознание, что *этот* жив, а деда уже нет и никто за это не ответит! Андрей вздрогнул, стиснул в кулаке застежки шлемофона и внезапно глухо произнес в микрофоны лингафона:

– Стой!

Танк остановился.

Несколько секунд Андрей прислушивался к себе, выясняя, насколько он готов к тому, что задумал, что собирается сделать. Ведь этот поступок разрушит всю его жизнь, все планы, которые у него были, все его надежды. А может быть, и вообще отнимет эту самую жизнь. То есть, если верить гуманистам, – самое ценное, что только есть в мире. Но ведь если он его не совершит, то...

Андрей глубоко вздохнул и бросил уверенным голосом:

– Экипаж из машины!

– Товарищ лейтенант! – испуганно охнул снизу Яковенко, механик-водитель, но Андрей полоснул по нему бешеным взглядом и, нырнув на место башнера, включил привод, разворачивая башню. Ствол пушки пополз назад.

Яковенко и Таджиев выбрались из танка и стояли у обочины, испуганно жались друг к другу. Андрей выскользнул из башенного люка, захлопнул крышку и, громя сапогами по броне, забрался в люк механика-водителя.

– Стоять здесь, понятно? – буркнул он и опустил сиденье механика-водителя в боевое положение. Глухо звякнул люк, будто отрезая всю прошлую жизнь. Андрей поудобнее перехватил рычаги и влип лбом в рубчатое ограждение смотровых приборов. Верный «Т-72» взрыкнул мотором и, перевалив через кювет, ходко пошел по заснеженному полю.

Перед самым забором Андрей слегка притормозил и чуть повернул танк, чтобы ударить по кирпичному столбу лобовой броней корпуса. Крылья над гусеницами сделаны из довольно тонкого металла, и если врезаться в столб гусеницей, то они непременно погнутся, да и сама гусеница тоже может порваться.

Удар был не слишком сильным – так, вроде как снес ствол нетолстого дерева. По броне глухо застучали обрушившиеся кирпичи. Андрей подал назад левый рычаг и, развернув танк, двинул вдоль забора, снося его, будто картонную перегородку. В смотровом приборе нарисовалась дверь гаража, из которой выскочил какой-то мужик. Разинув рот в безмолвном крике, он суматошно взмахнул руками и рванул куда-то в сторону. Андрей хищно ощерился. Гараж, значит, а там никак крутой «мерседес» стоит? Ну-ну... «Т-72» крутанулся на пятке и вломился в стену гаража. К грохоту осыпающихся кирпичей прибавился визг сминаемого железа. Ого! Да гаражик-то здоровенный, на три машины. Танк провернулся на месте, превращая искоре-

женную грудку железа, кожи и лакированного дерева в этакий плоский блин, а затем, радостно взревев мотором, двинулся к следующему сверкающему чуду немецкой инженерной мысли...

Он как раз заканчивал с третьим, когда слева, со стороны башни, послышался ритмичный приглушенный звон. Андрей развернул танк. Ого, противник открыл огонь на поражение. Он издевательски захохотал:

– А вот это зря-а-а, пацаны... Для того чтобы пробить мою броню, надо иметь калибр не меньше ста миллиметров, а не сраные девять.

Он зло рванул кулису. Танк захрустел гусеницами по битому кирпичу и буквально прыгнул вперед. Трое придурков, лупящих по танку из пистолетов, вопя, брызнули в стороны. Андрей притормозил, примерился и направил свой «Т-72» в ближний угол ненавистного дома. Тот задрожал и осел на танк всей своей немалой массой. Торсионы заскрипели. Андрей переключил передачу и рванул кулисы. Старина «Т-72» не подвел. Взревев дизелем, он выкарабкался назад, сопровождаемый грохотом осыпающихся кирпичей. Андрей развернул танк, нацелившись на соседний угол, и остановился. Он не хотел убивать тех, кто в доме, а значит, надо было дать им время выскочить. Через несколько мгновений на двор вывалилась целая толпа орущих полуодетых женщин, вопящих детей, кутающихся в халаты и пледы мужиков. Андрей газанул, ревом дизеля подгоняя тех, кто еще задержался в доме, и уже положил руку на рычаг переключения передач, как вдруг его внимание привлек какой-то тип в вызывающе элегантном костюме и с «испанской» бородкой, стоявший в стороне, у бассейна. В отличие от остальных, он не орал, не бегал и вообще стоял совершенно спокойно, будто наслаждаясь всем происходящим. Видно, почувствовав, что Андрей на него смотрит, тип поднял руки перед собой и несколько раз торжественно приложил ладонь к ладони, будто демонстрируя аплодисменты, а затем скрестил руки на груди, как бы давая понять, что готов и дальше наслаждаться зрелищем.

Андрей хищно усмехнулся и включил передачу...

Глава 2

– Все готово, Вить.

Танечка, секретарь директора, выложила на стол его трудовую книжку. Виктор не глядя сгреб ее со стола и сунул в карман. А что там смотреть? Все давно известно – уволен по статье, за нарушение трудовой дисциплины. Можно сказать, «волчий билет».

– Зря ты так, – расстроено произнесла Танечка. – Повинился бы – Алевтина Михайловна и простила.

– Может, и зря, – тихо буркнул Виктор, – да только теперь уж ничего не изменишь.

В этот момент дверь директорского кабинета распахнулась и на пороге появилась сама Алевтина Михайловна. Танечка тут же выпрямила спинку и напустила на себя строгий вид. Не дай бог директриса подумает, что ее секретарша любезничает с выгнанным с позором учителем...

– Вот, Крагин, распишитесь в получении, – холодно произнесла она, пододвигая к Виктору копию приказа о его увольнении.

Виктор наклонился и размашисто поставил свою подпись, затем выпрямился и скользнул по директрисе спокойно-независимым взглядом. Взгляд Алевтины Михайловны был насмешливо-высокомерным.

– Ну спасибо, Татьяна Алексеевна, – буркнул Виктор, – пошел я.

– Всего хорошего, – равнодушно бросила Танечка, склоняясь над пишущей машинкой...

Когда за спиной Виктора захлопнулась дверь приемной, Алевтина Михайловна покачала головой.

– Да-а, гонору в нем...

– Подумаешь, – подобострастно поддакнула Танечка, – строят из себя.

Директор бросила в ее сторону одобрительный взгляд:

– Ничего, сейчас побегаёт без работы – пообломается. Или в грузчики пойдет... Ну да ладно, что мы все о нем да о нем, зайди, мне продиктовать надо...

На ступеньках школы сидели пацаны из секции. Увидев Виктора, они вскочили и хором, но вразной поздравались:

– Здравствуйте, Виктор Петрович.

– Привет, ребята!

Он остановился и пожал каждому руку, чувствуя себя несколько не в своей тарелке под обстрелом детских глаз, в глубине которых отчаянно горела надежда на чудо. О его конфликте с директрисой знало множество народу. И о том, что педсовет постановил уволить его «по статье», тоже. А это означало, что и секция также накрывается медным тазом. Ибо доступ к спортзалу ему перекрыли напрочь, а педагога с такой записью в трудовой книжке в другую школу никто не возьмет. Снимать зал? Это означало резко поднимать плату за занятия. А из тех пацанов, что ходили к нему заниматься, две трети не могли платить больше, чем уже платили. Вернее, даже три четверти...

– А вас все-таки уволили? – не выдержал Стасик, самый маленький и шустрый из всех.

– Да. – Виктор расстроено кивнул. – Так уж получилось, простите...

Пацаны тут же загалдели, перебивая друг друга, стали уверять, что они всё понимают, и так и надо, и эта директриса сама...

– Так, стоп! – вскинул руки Виктор. – Инин, Пагрушев – упор леж, десять отжиманий! Инин молча упал на руки, а Толька Пагрушев возмущенно вскинулся:

– За что?

– Подумай! – качнул головой Виктор.

– Да ведь она ж... – начал тот, но, наткнувшись на спокойный взгляд учителя, сник и опустился в положение «упор лежа».

В секции действовало суровое правило: оценивать можно каждого – хоть сверстника, хоть президента, но высказывать суждение или критиковать – только тех, по сравнению с которыми ты сумел добиться большего. Поэтому взрослые для пацанов были как бы вне критики. Мол, сначала вырастите, станьте кем-то, а уж затем... Как-то раз, во время очередного пьяного выверта нашего «гаранта» в раздевалке разгорелся жаркий спор. И Виктор прекратил его фразой: «Один умный человек сказал: «Как жаль, что все, кто знает, как управлять страной, уже работают таксистами и парикмахерами».

«Виктор Петрович, – разгоряченно встрял Пагрушев, – неужели вы считаете...»

«А ты, Пагрушев, еще даже и не парикмахер, – закруглил разговор Виктор и жестко закончил: – Все ясно?»

«Ясно-о...» – уныло протянули остальные, и разговор увял.

Наверное, такой подход был не слишком правильным, но Виктор терпеть не мог людей, которые громогласно ругают всех и вся, а свое собственное дело делают из рук вон плохо, находя для этого сотни «железных» оправданий: и начальники у них идиоты, и подчиненные уроды, и сослуживцы все вокруг лентяи и бездари, и в стране бог знает что творится – а вы хотите...

– Значит, так, ребята, – начал Виктор, – секция у нас пока распускается. Что будет дальше – посмотрим. Если будет возможность – поддерживайте форму, но только общефизическими упражнениями. Никаких бросков и спаррингов на необорудованных площадках – поломаетесь.

– Виктор Петрович, а поход?

Каждое лето они с пацанами ходили на байдарках по рекам и озерам. Однако получится ли что-то на следующее лето, Виктор не мог представить даже и без проблем с увольнением. Спортклуб, в котором они брали напрокат лодки и палатки, был на грани закрытия. Людям как-то перестало быть интересно всё – от собственного здоровья до открытия мира, все бросились зарабатывать деньги...

– Ну... поход ведь планируется летом? А сейчас осень. Так что... поживем – увидим. – Он с деланой уверенностью улыбнулся: – Ну ладно, ребята, всем пока. У меня еще сегодня много дел...

Едва он завернул за угол школы, пришлось притормозить. Дорогу перекрывал огромный джип с затонированными до черноты стеклами. Виктор тихонько вздохнул. Он знал, чей это джип, и предполагал, какой разговор ему предстоит...

Когда он подошел вплотную, огромная правая передняя «калитка» медленно распахнулась и густой сочный бас негромко произнес:

– Витя, не торопись, разговор есть.

Виктор остановился. Щелкнула левая передняя дверца.

– Ты присядь. Как говорят, в ногах правды нет.

Виктор хмыкнул:

– А в чем тогда – в жопе?

– Ну вот ты уже и ошетинился, – неодобрительно произнес хозяин джипа, – а ведь я к тебе по-доброму...

Виктор вздохнул:

– Да уж, извините, Владимир Николаевич, сорвалось... – И полез внутрь джипа.

– Ну ничего, ничего, – успокоил его хозяин машины, – я ведь понимаю, каково тебе сейчас.

Виктор уселся на широкое кожаное кресло, почти диванчик, и повернулся к собеседнику.

– Вот, знакомься, – произнес Владимир Николаевич, кивая в сторону человека, уютно устроившегося на заднем диване. – Бальтазар Иннокентьевич. Мой, так сказать, финансовый советник.

Виктор вежливо кивнул:

– Очень приятно. Виктор.

Финансовый советник, обладавший столь экстравагантным именем, впрочем, вполне соответствовавшим его внешности (Виктор до сих пор подобные элегантные «испанские» бородки видел только у актеров в кино), доброжелательно улыбнулся и кивнул в ответ.

– Я вот интересуюсь, – начал разговор Владимир Николаевич, – ты что дальше делать думаешь?

– Пока не знаю, – пожал плечами Виктор, – только... Владимир Николаевич, я вас очень уважаю – и как тренера, и как человека, но к вам я не пойду.

– А ты подумай. Я своих не обижаю. Вон Игорек – и помоложе тебя, и на ковре, прямо скажем, тебе не чета, а за полгода у меня уже на «девяносто девяную» накопил.

– Угу, – хмыкнул Виктор, – а Степа или Саша Маленький, они как?

– Ну, – развел руками Владимир Николаевич, – жизнь сейчас такая. Зато семьи не обидели. Степиной жене с квартирой помогли, матери Саши Маленького опять же пенсию платим. И не такую, которую наше родное государство положило... Ты пойми, сейчас ни на милицию, ни на партком, ни на добрых людей надежды нет. Нет больше страны – развалилась вся, на мелкие кубики рассыпалась. Нынче каждый за себя. И только самые сильные в стаи сбиваются. Чтоб кусок пожирнее ухватить. Потому как даже сильному в одиночку мало-мальски приличный кусок не удержать. И я тебя как раз в такую стаю зову. Потому как знаю, что ты тоже сильный. Но один все равно пропадешь. А уж кем ты в нашей стае станешь – от тебя самого зависит. – Он замолчал.

Виктор ответил не сразу:

– Знаете, Владимир Николаевич, спасибо вам, конечно, за всё, но только... чем больше вы меня уговариваете, тем меньше мне хочется к вам идти. Стая... это не для человека. Это звериное. Я знаю, многим лестно, когда их, скажем, с волками сравнивают. Ну как же – сильные, отважные, хищники опять же... Да только это доказывает, что они и сами – не люди, а так – зверье или даже зверьки... Потому что человеческого в себе как бы стесняются. А я – человек. И мне все это совсем не лестно. Так что извините, но... мне пора...

Когда тяжелая дверца джипа захлопнулась, с заднего сиденья подал голос Бальтазар Иннокентьевич:

– Не понимаю я, Владимир Николаевич, что это вы перед молодым человеком рассыпались. На моей памяти вы еще ни с кем так нежно не разговаривали.

– Да жалко его, – протянул хозяин джипа, – батя у него партийный был. Но из настоящих. Которых в партии было раз-два и обчелся. Эта баба, директриса, знаете из-за чего на парня взъелась? Его отец ее мужа как-то крепко прижал на воровстве. Муж ее тот еще жук был, райпотребсоюзом руководил. Еле в тот раз отвертелся, да и то через инфаркт. Вот она теперь и мстит. А парень молодец – не ломается. Только пропадет он сейчас. Гордый больно. А сейчас таких не любят. Сейчас послушные нужны.

– Ну да, – хмыкнул Бальтазар Иннокентьевич, – то-то вы его так уговаривали.

– А у вас-то что за интерес? – недобро покосился на своего финансового советника хозяин джипа.

– Ну... я ведь ваш финансовый советник, – рассмеялся тот, – и должен знать, на какой слабости вас конкуренты подловить смогут. Так что давайте, колитесь.

Владимир Николаевич нахмурился и уже открыл рот, чтобы резко осадить этого неизвестно что о себе возомнившего наемного финансиста, но затем, наткнувшись на его взгляд,

неожиданно захлопнул рот и, повинувшись какому-то непонятно откуда взявшемуся побуждению, заговорил:

– Так ведь он из настоящих... Эти ребятки, кто сейчас подо мной, – они все шакалы. Каждый норовит под себя подгрести. И пока нам жирные куски достаются, то да, они на меня молиться готовы. А если что не так – первыми сдадут. Не ментам, нет, ну кто сейчас ментов боится? А тому же Жоре Мухобой. Или Ковалю. А Виктор, если уж он на мою сторону встанет, то не предаст.

– Вот оно как?.. – задумчиво протянул Бальтазар Иннокентьевич...

В прихожей его никто не встретил. Виктор снял ботинки, плащ и прошел в комнату. Сонька спала, еле слышно посапывая и пуская счастливые пузыри. Виктор постоял над кроватью, млея от счастья, потом тихонько отошел, стянул через голову свитер и отправился в ванную мыть руки.

Нина сидела на кухне. Перед ней стояли початая бутылка коньяка и пепельница, в которой было смято три окурка. Сбоку лежала распотрошенная плитка шоколада. Виктор остановился в дверях и окинул эту картину сумрачным взглядом.

– Ну что, добился своего? – зло бросила жена. – Теперь всё, безработный. Туда тебе и дорога, Крагин. Совсем ты не от мира сего. Все люди как люди – зарабатывают, вон Тишкины квартиру поменяли, в сталинском доме взяли. А ты... – Она всхлипнула и дрожащей рукой поднесла зажигалку к новой сигарете.

Возражать было бессмысленно. Любые возражения только усиливали злость. Виктор молча прошел к плите и поднял крышку кастрюли. Как он и ожидал, в кастрюле было пусто.

– А не из чего готовить, – с издевкой произнесла Нина. – Муж не зарабатывает, вот и живем впроголодь. Ребенка бы хоть пожалел!

Виктор скрипнул зубами и молча вышел.

Нина была первой красавицей на курсе. И весьма себе на уме. И к выбору мужа тоже вроде как подошла с практической точки зрения. Ну еще бы – сын второго секретаря обкома! «Золотая молодежь», блин. Только вот семья папочки оказалась совсем не такой, какой она себе напредставляла. Никаких распределителей, никаких директоров магазинов с дефицитом у порога, никаких зарубежных поездок по линии «Спутника». Скромная трехкомнатная квартира. А из всех благ – только дежурная машина у подъезда и редкие заказы из обкомовской столовой, как у обкомовских машинисток и письмоводителей. И не напоказ, а потому что люди привыкли так жить и считали такую жизнь правильной. У практичной девочки, которую мама довольно рано научила, как она, жизнь, устроена *на самом деле*, просто не укладывалось в голове, как это, имея *такие* возможности, *так* жить...

Виктор вышел на балкон. Этот удар был гораздо больнее. Но, с другой стороны, все к тому и шло... Ладно, и это перебедем как-нибудь...

Он вернулся на кухню, залез в холодильник и достал из морозилки слипшиеся пельмени. В холодильнике действительно было пусто – в углу морозилки сиротливо притаились пара куриных окорочков и небольшой кусочек масла. Но голодать никто не собирался. Да и коньячок, который жена себе прикупила, не три копейки стоил. Нина не обратила на его манипуляции никакого внимания. Она молча сидела и курила, уставив взгляд в одну точку.

Пока варились пельмени, Виктор успел принять душ. Вернувшись на кухню, он застал жену все в том же положении. Только количество коньяка в бутылке заметно уменьшилось...

Когда он заканчивал с пельменями, Нина внезапно заговорила:

– Сегодня встретила Мишу. Подвез меня на машине. У него шикарный «Форд-Скорпио»...

Виктор замер. Миша был вторым главным претендентом на руку и сердце первой красавицы курса. Он был как раз из «торговой» семьи. И учился не очень. Но оценки получал.

В основном за то, что время от времени подбрасывал преподам и декану кое-какой дефицит. Что ж, теперь становилась совершенно понятна причина Ниного сегодняшнего настроения. Впрочем, для подобного настроения в последнее время причины находились чуть ли не каждый день...

В комнате завозилась Сонька, но Нина даже не пошевелилась. Виктор торопливо закинул в рот последний пельмень и подскочил к холодильнику. Бутылочки с кефиром из молочной кухни стояли в дверце. Он торопливо набрал в ковшик теплой воды и поставил туда бутылочку греться, а сам быстро зажег плиту и бухнул на нее чайник. Надо было еще обдать кипятком соску. Нина никак не отреагировала на его манипуляции.

Сонька успела высосать почти полбутылки, когда зазвонил телефон. Звонки следовали один за другим, но к аппарату никто не подходил. Виктор стиснул зубы, потом все-таки не выдержал и крикнул:

– Нина, возьми трубку, может, это мама!

Мама сидела с Сонькой днем, пока они с Ниной были на работе. Иногда, правда, эту услугу им оказывала и теща, но о-очень редко.

На кухне что-то бухнуло, затем послышались шаркающие шаги и раздраженный голос Нины:

– Слушаю...

Но это звонила не мама. Потому что голос жены резко изменился:

– Но... я сейчас не могу. Виктор уже вернулся, и потом у меня ребенок... – Она старалась говорить тихо, но выпитое явно мешало ей адекватно оценивать громкость своего голоса. – «Прага»?.. Ты уже заказал?.. Ну хорошо, я попробую...

Трубка неловко бухнулась на аппарат, и в следующее мгновение в комнате появилась Нина. Ее глаза возбужденно блеснули.

– Витя, мне позвонила Марина. Мне нужно срочно поехать к ней.

Это звучало не слишком убедительно, но жене, похоже, было совершенно наплевать на убедительность. Нина проскочила к шкафу, распахнула дверки и принялась лихорадочно рыться в платьях. Спустя десять минут она появилась из ванной, на ходу поправляя небрежно завязанный на шее шарфик.

– Не жди меня, возможно я у Марины и заночую.

Хлопнула дверь, прогудел лифт. Виктор подошел к окну. Нина пробежала через двор и скрылась за левым углом дома. Спустя пару минут оттуда выехал какой-то иностранный автомобиль, тускло блеснувший голубым овалчиком на капоте...

На следующий день около десяти часов утра Виктор толкнул тяжелую, обитую железом дверь полуподвала и, пригнувшись, вошел в низкое, но просторное помещение. Оно было все, от пола до потолка, заставлено большими картонными коробками, а в самом углу за старым поцарапанным кухонным столом сидела какая-то девица и старательно, едва не высывая язык, тыкала одним пальчиком по клавиатуре компьютера. Заметив Виктора, она с облегчением выпрямилась и мелодично произнесла:

– Вы к кому?

– Мне бы Антона увидеть, Мякишева... – неловко произнес Виктор.

– Как вас представить?

– Крагин я, Виктор.

– Одну минуточку.

Девица выбралась из-за стола и просунула голову в невысокую кособокую дверь. Спустя мгновение она отшатнулась, а на пороге появился Антон.

– Витька! Заходи.

Кабинет крупного бизнесмена Мякишева представлял собой крошечную фанерную выгородку, в которой с трудом уместились колченогий стул, старенький круглый стол и табурет для посетителей.

– Садись. Какими судьбами?

– Да вот, – Виктор замялся, – пришел к тебе на работу проситься. Возьмешь? Хоть грузчиком.

– Вот оно ка-ак, – протянул Антон и покачал головой. – Нет, грузчиком не возьму. А вот экспедитором пожалуй... Я сейчас три новые точки открываю, так что человек нужен. Большую зарплату пока положить не могу, все будет зависеть от того, как дело пойдет, но на первое время хватит. Пойдешь?

– Уже пришел, – хмыкнул Виктор.

– Ну и отлично, – подытожил Антон. – После обеда проедем по точкам, посмотришь, что там и как. А с завтрашнего дня уже впрягу по полной. Устраивает?

– Нормально, – кивнул Виктор.

– Ну а раз так, это дело надо обмыть. – Антон наклонился и извлек из-под стола бутылку какого-то импортного коньяка.

– Давай-ка по маленькой. «Наполеон», Франция. Раньше такие только в валютных можно было достать или в «Березке».

– Ишь какие ты напитки пьешь... – уважительно хмыкнул Виктор.

– Да это так, остатки, – небрежно бросил Антон, – удалось по случаю ящик недорого прикупить...

Следующие два месяца пролетели незаметно. Виктор уходил из дома в шесть утра: надо было загрузиться товаром на складе и к восьми развезти сначала по трем, а затем уже по пяти точкам. Потом был круг по оптовикам, чтобы заполнить уже их с Антоном собственный склад. А с пяти он начинал снова объезжать точки, чтобы снять выручку и уточнить, какие позиции надо будет пополнить к завтрашнему утру. Так что домой он возвращался не раньше восьми.

С деньгами тоже стало полегче. Антон взваливал на Виктора все больше и больше обязанностей, но и денюжат постепенно подкидывал, а потом даже начал приплачивать процент от выручки тех точек, которые закрепил за ним. Но самому Виктору его работа чем дальше, тем больше напоминала жвачку. Когда сначала вроде как даже есть какой-то вкус, а затем, чем больше жуешь, тем явственней резина. Можно, конечно, успокаивать себя тем, что этак почишь зубы и борешься с кариесом. Но здоровым зубам достаточно пару или, на крайний случай, тройку раз в день чистить зубы хорошей зубной пастой, всего-то минуты по две, и пользы не в пример больше, а если с зубами плохо, то никакая жвачка не поможет.

С Ниной тоже вроде как все наладилось. Денег он теперь приносил домой всяко больше, чем когда работал учителем, а дома появлялся едва ли не реже. Так что отношения как будто начали потихоньку улучшаться. Что касается ее несколько участившихся задержек на работе или походов «к Марине», то Виктор старался думать, что она действительно задерживается на работе или убегает к подруге. Поскольку, что делать в ином случае, он совершенно не представлял. Отец относился к матери с подчеркнутым уважением и любовью и полностью ей доверял. Так что у Виктора не было никакого опыта в отношении того, как быть, если твое доверие обманывают. Вот он до последнего и держался за надежду.

Все рухнуло на исходе зимы. В тот вечер Виктор несколько задержался. Второй экспедитор, Семеныч, ушел в запой, поэтому им с Антоном пришлось крутиться за двоих. Но это было как-то уже привычно. Семеныч уходил в запой с завидной регулярностью – каждые два месяца. На вопрос Виктора, почему Антон его до сих пор не уволил, тот философски пожимал плечами и говорил: «Зато не ворует. – А затем добавлял: – Наш человек в основной своей массе на работе надрываться не привык. А другого у нас с тобой нет. Так что будем работать с тем, кто есть. Потому как если выгнать, скажем, Семеныча, то что ждать от того, кто придет

ему на смену, я даже представить боюсь. Уж можешь мне поверить, я многих перепробовал». Так что в тот вечер Виктору пришлось собирать выручку и составлять заказ помимо своих еще и на трех точках Семеныча. Заехать в офис, чтобы сдать выручку, он уже не успевал, поэтому, когда подъехал к гаражу, его карманы прямо-таки раздувались от денег. Но, в общем, так случилось не в первый раз, и Виктор не шибко волновался...

Трое подошли, когда он закрывал ворота гаража.

– Эй, пацан, закурить не найдется?..

Врасплох его не застали. Виктор качнулся влево, перехватил опускающуюся руку с железным прутком и дернул противника на себя, перемещая его между собой и остальными двумя нападавшими. Он еще даже успел провести несколько ударов и пару болевых, результатом одного из которых стал хруст и дикий вопль одного из нападавших, но потом его, несмотря на все его разряды и подготовку, все-таки завалили. Это в кино крутой спортсмен легко расправляется с толпой противников, а в жизни все иначе. В спорте ты, как правило, дерешься только с одним противником и в свалке подсознательно тоже строишь свою тактику как тактику одиночного поединка. На чем тебя и подлавливают. Да и нападающие, как правило, не дохляки и тоже имеют кое-какую подготовку. Иначе бы не лезли в драку. Так что все закончилось вполне закономерно.

Очнулся он часа через два. Точно сказать было сложно, поскольку часы тоже исчезли. Как добрался до дома – помнил смутно. Нина с причитаниями мыла ему лицо, раздувшееся от синяков, и как-то слишком уж заботливо охала.

Антон понял все, когда Виктор появился на работе. Грустно буркнул:

– Сколько взяли-то?

– Почти пять миллионов.

– Эх, ё...

– Я отдам, – угрюмо произнес Виктор.

– Молчи уж, отдавала, – махнул рукой Антон. – А ты никому не говорил, что вечером у тебя будет много денег?

– Ну кому говорить-то? – буркнул Виктор. А сердце болезненно сжалось. Потому что в обед на работу звонила Нина, просила прийти пораньше – мол, она уже дома, мама ушла и с Сонькой сидеть некому, а ей надо сбегать «к Марине». Он ответил ей, что не сможет, потому как Семеныч в загуле и ему придется обслуживать еще и его точки. Нина, которая в последнее время довольно живо интересовалась его работой и была в курсе загулов Семеныча, неожиданно добродушно буркнула: «И чего вы с ним нянчитесь?..» – и бросила трубку.

Вечером он пришел домой намного раньше – Антон отправил его домой, лечиться. Когда Виктор вошел, Нина вертелась перед зеркалом в новой каракулевой шубке и новых сапожках. Увидев его, она растерялась:

– Витя... а что ты так рано?

– Да так... Антон отпустил.

– А-а, – протянула Нина и тут же защебетала: – А это мне Марина дала поносить. Ей малó, а в магазине обратно не принимают. Вот она и...

Виктор кивнул и проскользнул в ванную, чтобы не слышать, как жена громоздит одну ложь на другую...

Следующие несколько дней он провел как в тумане. В голове попеременно бились две мысли, одна – «Как она могла?», а вторая – «А может быть...». И когда это раздвоение стало абсолютно невыносимым, он решился.

Тем вечером он пришел домой довольно рано. Аккуратно поставил в комнате свой старый, потрепанный дипломат и весомо произнес:

– Не трогай, здесь деньги.

– Деньги? – живо откликнулась Нина.

– Да, завтра едем с Антоном за крупной партией товара. Я с утра заезжаю за ним и...

Нина покачала головой:

– А почему он отдал их тебе?

– А его с обеда не было. Так что я собрал выручку со всех точек и еще в долг дали, вот и... – Он утвердительно качнул головой и отправился в ванную мыть руки.

Включив воду, Виктор прислушался. Тихо дзинькнул телефон, затем послышался взволнованный шепот жены. Виктор помрачнел. Он до самого последнего надеялся на чудо...

Когда он вышел из ванной, ужин уже стоял на столе. А Нина сидела напротив и смотрела на него этаким умильным, но затаенно-насмешливым взором...

Они встретили его, когда он подходил к гаражу. На этот раз их было четверо. Они профессионально взяли его «в коробочку», а старший сказал:

– Ты вот что, парень, не слишком ручками-то маши, а то и грохнуть можем, – и продемонстрировал ствол.

Виктор молча остановился. Значит, он крепко поломал тех троих, если на этот раз при-
слали четверых, да еще и со стволом.

– Чего надо?

– Дипломатик свой отдай, – ласково попросил старший.

Виктор усмехнулся.

– Да берите! – Он швырнул свой дипломат под ноги старшему и, пожав плечами, небрежно бросил: – Не представляю, зачем вам старый дипломат, набитый не менее старыми газетами.

– Какими газетами? – удивленно промычал кто-то из четверых.

– Такими, – хмыкнул Виктор. – Да вы откройте, посмотрите...

– А деньги где? – ошеломленно спросил старший, ковыряясь в распахнутом дипломате.

– А не было никаких денег, – вздохнул Виктор, – это я просто вашего информатора тести-
ровал. Проверял, так сказать, – он или не он.

Все четверо переглянулись. Потом старший аккуратно захлопнул дипломат, выпрямился и недобро сверкнул глазом:

– А если мы тебя обыщем?

– А вот этого не дам, – твердо ответил Виктор, – лучше уж сразу стреляй. Только зря всё
Я же говорю – денег нет. И не было.

Они вновь переглянулись, и старший покачал головой:

– Да ты хитрец, парень.

– Да уж пришлось, – буркнул Виктор.

– Да уж, – согласился старший, – только знаешь, я тебе не завидую. – С этими словами
он кивнул остальным, и они неторопливо двинулись в сторону.

– Я себе тоже, – тяжело вздохнув, пробормотал Виктор...

Когда он вечером вернулся домой, Нины не было. Он раскрыл шкаф. Вешалки, на кото-
рых висела ее одежда, были пусты. На кухне также было пусто. И в ванной. Она забрала не
только стиральную машинку, которую им подарили на свадьбу его родители, но и практиче-
ски все мыло, шампуни и полотенца. То же оказалось и с постельным бельем. Виктор грустно
усмехнулся.

Зазвонил телефон. Виктор вернулся в прихожую и снял трубку.

– Витя, – послышался из трубки обеспокоенный голос матери, – что случилось? Нина
заехала ко мне, завезла Сонечку и сказала, что вынуждена срочно уехать. Что между вами
произошло?

Виктор снова усмехнулся:

– Да ничего, мам, ничего серьезного. Скорее наоборот, исправляем прежние ошибки...

Глава 3

Будильник, как обычно, прозвенел не вовремя. То есть, конечно, он прозвенел именно в то время, на которое и был поставлен, но, судя по ощущениям, еще бы пару часов, и вот тогда бы...

Ира хлопнула ладошкой по кнопке, села на кровати и несколько мгновений сидела так с закрытыми глазами. За спиной слышалось мерное сопение Славика. Слева, у стены, завозился в кроватке Павлик. Ира с трудом разлепила левый глаз, покосилась на окно, еще даже не начавшее светлеть, и, тихонько вздохнув, поднялась на ноги.

Через пятнадцать минут, когда хлеб, сыр и колбаса уже лежали нарезанными на тарелке, а чайник на плите доходил, Ира вошла в комнату и ласково позвала:

– Мужики, подъем!

Павлик тут же сел на кроватке, смешно моргая глазами, а Славик завозился, перевернулся на другой бок и буркнул:

– Мм, щас...

Павлик покосился на отца, скинул ноги вниз, нащупал тапочки и двинулся в сторону ванной, на ходу протирая глаза кулачками...

Славик поднялся только после третьей попытки. Сев на кровати, он сумрачно окинул комнату взглядом и уныло буркнул:

– Кофе сварила?

Ира округлила глаза:

– Он же кончился... еще на той неделе.

– И что, купить было трудно?

Ира молча повернулась и ушла на кухню. Знает же, что аванс обещают выдать только в эту пятницу. А получку они уже полгода как не видели...

Из ванной послышался шум льющейся воды, а затем раздраженный голос Славика:

– Кто вытирался моим полотенцем?!

Павлик испуганно вжал голову в плечи. Ира успокаивающе погладила его по голове и повернулась к ввалившемуся на кухню Славику:

– Я. Не кричи.

– Ира, ну сколько раз повторять, это мое полотенце! У тебя с Павликом – синее, а это – мое!

– Ну извини... не разглядела спросонья.

– Вот вечно ты так, – буркнул Славик и, повернувшись, убрался в ванную.

На работу она, как обычно, опоздала. Впрочем, кого это сейчас волновало? По их НИИ уже давно ходили слухи о грядущих сокращениях, а то и о полной ликвидации, что, впрочем, было вполне объяснимо, поскольку работы практически не было. Так, время от времени составлялись какие-то справки, отчеты и отправлялись «наверх». Еще составлялись планы работы на год и на каждый квартал, а затем отчеты по их выполнению. Так что вроде бы какая-то жизнь в институте присутствовала, но по большей части женщины в их отделе были заняты тем, что пили чай с домашним вареньем, болтали с приятельницами по телефону, жалуясь на страшно подорожавшую жизнь, да изредка хвастались друг перед другом обновками.

Лифт последние два года работал от случая к случаю, так что после проходной Ира сразу направилась к лестнице. Поднявшись на свой этаж, она толкнула знакомую и ставшую уже привычной и родной дверь отдела и громко поздоровалась:

– Всем привет и доброго утра.

Женщины, собравшиеся кружком около старого алюминиевого электрочайника, ответили вразнобой, сразу же вернувшись к прерванному разговору. Запевалой, как обычно, высту-

пала Надежда Николаевна, энергичная женщина бальзаковского возраста, ярая общественница.

– Нет, я точно говорю – не будут нас закрывать. Они что же, хотят угробить всю электронную промышленность?

– А вот Паклина, из планового отдела, мне точно говорила, что уже бумага из министерства пришла. Пока вроде как о сокращении, ну а потом... – встряла Светлана Анатольевна, отдельская бабушка, дотягивающая последние годочки до пенсии. На работе она чаще всего занималась тем, что вязала внукам носки, шапочки и шарфики, а также консультировала всех желающих по рецептам различных варений, солений и маринадов. Ну и время от времени приносила на хвосте сплетни от своих старых сослуживиц из разных отделов, коими за тридцать три года безупречной службы, отданных родному НИИ, обзавелась в немалом количестве.

– Да вы что? – ахнул кто-то.

Но Ира уже не прислушивалась. Подобные разговоры о грядущем сокращении, о какой-то глобальной аварии, о том, как на рынке милиция арестовала азербайджанцев, торгующих «чернобыльским» мясом, или о глобальном, буквально «на всё» повышении цен с понедельника, или там «с первого числа», велись каждое утро. И ничего не происходило. То есть нет, происходило, конечно, и милиция кого-то там регулярно арестовывала (а потом отпускала и непременно «за взятки», что также становилось причиной обсуждения), и цены росли не по дням, а по часам, и аварии случались, причем такие, о которых дня два, а то и три шумели на всех телеканалах. Но все это было где-то там, наверху, далеко... и затрагивало их маленький мирок только как повод почесать языки. Ира никогда не была любительницей потрепаться. К тому же сегодня ей надо было закончить квартальный отчет, а это мероприятие уже давно превратилось в словесную эквилибристику из области «как показать, что ты что-то сделала, если ты ничего не сделала». Впрочем, нет, как раз Ира-то за прошедший квартал сделала больше всех в отделе. Не потому, что была, скажем, ведущим специалистом или работа была именно по ее направлению. Просто этой работы было кот наплакал, а она уже вышла из категории молодых специалистов и потому считалась опытной и способной, никого не напрягая, справиться самой. К тому же она не принадлежала к сплоченному кружку «сиделиц у чайника», и потому ее загрузка никак не нарушала сложившуюся идилию. Так что все спущенное в отдел плавно переключивалось на ее стол. Но все сделанное было как бы работой всего отдела. А вот с тем, что сделала именно она, были некоторые проблемы...

Час пополудни внес в жизнь некое оживление. В отдел ввалились две цыганки с огромными баулами, наполненными «итальянскими» кофточками, «французской» косметикой и «настоящими американскими» джинсами. Ира все время удивлялась, как баульщицы пробираются через бдительных бабушек-церберш, сидящих на КПП, ибо если кто приходил по работе, то даже при наличии всех документов, командировочных удостоверений и заявок в бюро пропусков процесс прохода через проходную растягивался едва ли не на часы. Но эти, похоже, не испытывали никаких затруднений... Женщины, сбегавшиеся с двух соседних этажей, возбужденно окружили «коробейниц», а Ира, помня о том, что в кошельке осталось только на молоко и хлеб, лишь молча смотрела на это со стороны.

– Ты чего, Карская, – возбужденно блестя глазами, затеребила ее Надежда Николаевна, – денег нет? Да и плевать. У меня тоже нет. Зато намеряюсь...

Цыганки ушли через три часа изрядно облегченными. А все обступили Тишкину, прикупившую розовенькую кофточку. Та, рдея от удовольствия, крутилась под восхищенными взглядами и рассказывала:

– Вот, сижу перед обедом и горюю: денег нет, а за квартиру надо платить, за сад – надо... а тут эти. Я эту кофточку сразу углядела и цап ее. Ну как по мне сшита! Сбегала в ОНОТ к подружке, заняла у нее и купила. Ну и... денег как не было, так и нет, а зато у меня теперь кофточка есть!

Уже перед самым концом рабочего дня в отделе появилась Паклина из планового:

– Девочки, аванса в пятницу не будет!

Все возбужденно загалдели:

– Как это?

– Почему?

А у Иры болезненно засосало под ложечкой. Она так рассчитывала на эти деньги...

– Пришла бумага из министерства, – пояснила Паклина, – грядет большое сокращение, и новый замдиректора приказал *консолидировать бюджет*, – она произнесла эти слова как-то по-особенному, со вкусом, что ли, – для выплат сокращаемым.

– Это что же это? – закудаhtала Светлана Анатольевна. – Им, значит, заплатят, а нам – зубы на полку?

– Так чего проще? – встряла Надежда Николаевна. – Пиши заявление, что согласна на сокращение, и вперед за денежками.

– Щас, разбежалась, – отрезала Светлана Анатольевна. – Я – ветеран, меня сокращать никак нельзя. А кто будет традиции передавать молодежи?..

Вечером Ира долго подгадывала момент, когда сообщить Славику, что аванса в пятницу не будет. На счастье, в восемь начался какой-то давно ожидаемый матч, и буквально на десятой минуте «наши» вкатили кому-то «красивый мяч». Славик заорал, взмахнул руками, в которых была бутылка с пивом – пиво плеснуло, Ира вскочила и побежала на кухню за тряпкой. Вытирая пиво, она улучила момент и вставила:

– Слава, нам сегодня сказали, в пятницу аванса не будет.

– А? Как не будет?

– Ну... говорят, что у нас будут сокращения и деньги придерживают для выплат сокращаемым.

– Так это что? – искривил рот Славик. – Опять кофе не купишь?..

Ира вздохнула:

– Слав, ну ты же понимаешь...

– А чего понимать-то, – раздраженно начал Славик, – ты же, в конце концов, хозяйка. Прокрутись как-нибудь, перезайми. У матери займи... Ты куда бьешь! Нет, ну куда он бьет?! Идиот!!!

Воспользовавшись тем, что Славино внимание отвлечено телевизором, Ира тихонько выскользнула на кухню. Там она выжала тряпку, аккуратно расправила ее на раковине и тяжело опустилась на табуретку, уставившись в точку на стене.

Славик был самым завидным женихом всего потока. Статный, красивый, поэт, спортсмен... Когда он своим звучным баритоном пел под гитару, вся женская половина курса млела, глядя на красавца атлета. На Иру он обратил свое благосклонное внимание скорее всего потому, что она была старостой группы. А у Славика всегда было множество причин, по которым ему было совершенно необходимо не присутствовать «на этой паре». Ира, чье сердечко тоже млело и таяло, едва только на нее оказывалась направлена пара небесно-голубых глаз, послушно не ставила в журнале пропуски. Дальше – больше. Славик начал время от времени «дружески» просить старосту «помочь» ему с курсовой, «дооформить» проект... На деле, правда, это означало полностью написать курсовую или сделать проект. Но Ира, просто растекшаяся под взглядом голубых глаз, безропотно взвалила на себя и эту ношу. Тем более что расплата была просто сказочной. Славик посвятил ей стихи и громогласно объявил на одной из вечеринок, что «этот вечер я играю и пою исключительно для одного человека – нашей очаровательной старосты Ирочки».

К четвертому курсу они стали жить вместе. Ира стирала его носки и трусы, готовила вкусные обеды, корпела над чертежами. А Славик продолжал ходить с друзьями в пивную, играть в волейбол и вообще вести прежнюю «светскую» жизнь. Когда у нее случилась задержка, Ира

перепугалась, но Славик, узнав об этом, только беспечно улыбнулся: «Ничего, Ирка, значит, так тому и быть».

На следующий день они пошли подавать заявление в загс. Ирка сидела рядом со Славиком и просто млела. Ей не верилось, что самый завидный жених курса станет ее мужем.

Первые проблемы начались, когда родился Павлик. Еще раньше на семейном совете было решено, что поскольку у Иры все так сложилось, то ей уже будет не до диссертации. А вот Славику – прямая дорога в науку. Ну а поскольку сейчас все так просто не делается, то вся зарплата Славика будет уходить на его научную и «околонаучную» деятельность, то есть на подарки научному руководителю, походы в ресторан с руководством и все такое... Нет, пока Ира была в декрете, Славик честно приносил домой половину денег (хотя и ворчал при этом), но когда она вышла на работу, он напомнил о принятом решении и, так сказать, сократил ассигнования. Теперь деньги от Славика в семейный бюджет поступали нерегулярно и крайне редко. Зато он сам все чаще стал приходить домой поздно и «слегка подшофе». Все это объяснялось тем, что «у шефа сегодня именины», что «встретил сегодня ребят из институтской команды», что «отмечали апробацию» и что «мужчине иногда надо немного расслабиться, и вообще у меня уже голова болит от этих детских воплей». Ира безропотно тянула на себе весь «быт», сидела ночами у Пашкиной кровати, когда у того резались зубки, и грустно вспоминала девичьи мечты о прекрасном принце, который прискачет на белом коне, посадит ее перед собой и увезет далеко-далеко от всех проблем. Подруги, успевшие уже выскочить замуж, родить по ребенку и развестись, часто завидовали ей: «Ой, Ирка, как тебе повезло – такого мужика отхватила... И умница, и красавец, диссертацию вон пишет...» А Ира молча улыбалась, гоня от себя мысли о том, как ее «умница и красавец» точно так же, вернувшись с работы, заваливается на диван и упирает взгляд в телевизор... Он же совершенно точно лучше, чем бывшие мужья девчонок. У них же со Славиком семья...

Неделя закончилась как обычно: в пятницу вечером Славик опять пришел навеселе, но Ира молча стянула с него брюки и рубашку и уложила спать. Удачно, что он явился не позже девяти, она как раз загружала свою старенькую, доставшуюся от матери «Обь», так что успела запахнуть его грязную рубашку в стиральную машину...

Следующая неделя пролетела незаметно, а в пятницу Ира снова опоздала. Причем гораздо сильнее, чем обычно. Славик сказал, чтобы она его с утра не будила, потому что в двенадцать за ним заедет шеф и они поедут в министерство «согласовывать тему». Так что она засунула будильник подальше под подушку, чтобы он звонил потише и не разбудил Славика. Ну и проспала. Вернее, нет, встала-то она почти вовремя, всего на пятнадцать минут позже, но Павлик уже точно опаздывал на завтрак в саду, так что пришлось на скорую руку делать ему яичницу с помидором.

Когда она вошла в отдел, все разговоры стихли. Все повернулись и уставились на нее. Ира остановилась и недоуменно оглянулась. Нет, смотрели точно на нее. Она слегка покраснела и, опустив голову, принялась оглядывать себя, лихорадочно вспоминая, что могла сделать не так. Да нет... с одеждой все вроде в порядке...

– Ну что, Карская, опять опоздала... – протянула Надежда Николаевна. – Ох, говорила я тебе...

Ира облегченно выдохнула. Похоже, в институте пошла новая волна борьбы за трудовую дисциплину. Ну ничего, даже если лишат премии в приказе, так когда она еще будет...

– Ирочка, а ты доску объявлений видела? – как-то уж слишком мягко прощбетала Светлана Анатольевна.

– Нет, – мотнула головой Ира, а сердце испуганно защемило.

– Ох, бедная, – как-то уж очень огорченно вздохнула Тимонкина.

– Сократили тебя, вот что, – рубанула Надежда Николаевна.

– Но... как? – ошарашенно переспросила Ира.

– А вот так. Новый замдиректора приказ подписал. – Надежда Николаевна с завистью добавила: – Да чего ты пугаешься – радоваться надо. Всем сокращенным долги по зарплате приказано полностью выплатить. А мы как сидели без копейки, так и будем сидеть.

– Но... за что?

– Уж не знаю, – отрезала Надежда Николаевна, – у того, кто подписывал, спроси.

Ира опомнилась только на «директорском» этаже. За все время работы в институте она была здесь только два или три раза. Влетев в приемную, она полоснула взглядом по секретарше, начавшей приподниматься из-за стола, и решительным шагом двинулась к двери замдиректора, которая располагалась точно напротив директорской. Их «старик» последнее время частенько прибалывал, и его обязанности как раз выполнял этот новый. Секретарша только успела ахнуть: «Куда?..» – а Ира уже толкнула дверь и ворвалась внутрь.

Замдиректора сидел за столом и что-то писал. Услышав, как распахивается дверь, он поднял голову и посмотрел на Иру.

– Я – Карская Ирина Борисовна. Сегодня вы подписали приказ о моем сокращении, и я хочу спросить – почему?

Замдиректора окинул ее спокойным взглядом, сделал знак секретарше, возникшей за Ириной спиной, и мягким жестом указал на стул напротив:

– Садитесь, Ирина Борисовна. Слушаю вас.

Ира села и внезапно почувствовала, что ее охватывает робость.

– Я... мне сказали, что вы подписали приказ о моем сокращении.

Замдиректора кивнул:

– Да, согласно приказу министерства штатная численность института сокращается на тридцать процентов. К счастью, часть ставок у нас и так были незаполненные, так что сокращение коснулось только двадцати человек.

– Но... почему я... то есть по каким критериям осуществлялся отбор тех, кто попал под сокращение?

– По самым демократичным. Мы спустили цифры прямо в отделы и там сами решили, кого сокращать.

Иру бросила в жар. Они... как они могли?!

– Но... как же так... – потерянно пролепетала она, – ведь... они мне... я ничего...

Замдиректора молча выслушал ее лепет, а затем успокаивающе произнес:

– Не стоит так уж сильно расстраиваться, Ирина Борисовна. Вполне возможно, что вам как раз повезло. Как мне представляется, институт все равно будут еще сокращать, а возможно, даже и ликвидировать. В мировой практике для решения тех задач, которые перед ним стоят сегодня, достаточно отдела из пяти-семи человек. А у нас двести сорок два. И огромное здание, которое требуется содержать. А главное, как выяснилось, мы никому не нужны. Так что вы – всего лишь первая ласточка. И я распорядился, чтобы всем сокращаемым погасили все долги по зарплате, что нам, скорее всего, и удастся сделать. А вот как будет с остальными, не знаю. Из министерства денег не поступает, одни обещания.

– Но... что же мне теперь делать?

Замдиректора несколько секунд молчал, а затем вдруг тихо произнес:

– Мне кажется, главное – не сдаваться. А чем конкретно заняться – вы найдете. Я уверен.

Когда она появилась в отделе, все поголовно прятали от нее глаза. Каждый оказался очень занятым. Ира рухнула на свой стул и несколько минут просто сидела, глядя в одну точку. А потом выдвинула ящики и принялась выгребать оттуда свои личные вещи. Сложив все в большой полиэтиленовый пакет, так кстати обнаружившийся в нижнем ящике, она подошла к Тимонкиной и тихо попросила:

– Угости сигареткой.

Ира не курила с самого второго курса, с практики, где они с девчонками исподтишка баловались «Явой». Девчонки потом закурили в открытую, а Ира, наоборот, решила не продолжать.

Спустившись на лестничный пролет, на котором обычно собирались институтские курильщики с двух этажей, Ира внезапно обнаружила, что у нее нет ни спичек, ни зажигалки. Она рассеянно оглянулась.

– На уж, прикури, – раздался сбоку голос Надежды Николаевны.

Ира прикурила и, втянув дым, тихо спросила:

– А почему вы мне ничего не сказали?

– Так тебя ж все время нет – то опаздываешь, то раньше уходишь, – ничтоже сумняшеся заявила Надежда Николаевна, устраиваясь на подоконнике и, в свою очередь, затягиваясь сигаретой. – И вообще, ну сама посуди, кого еще сокращать? Мухина – молодой специалист, никак нельзя. Ирисовой неделя до декрета. Светлане Анатольевне два года до пенсии. Опять же не по-людски. Ну кто ее на приличную работу возьмет в таком-то возрасте? Тимонкина – мать-одиночка. Так что, кроме как тебя, и некого, согласись?

– А... вас, Надежда Николаевна? – зло прищурившись, тихо спросила Ирина.

– Нет, ну ты, Карская, совсем обнаглела, – возмутилась Надежда Николаевна. – Я в отделе всю общественную работу тащу. Как что – так Игнатьина. Профсоюзные взносы собрать – Игнатьина, стенгазету выпустить – опять я. На день рожденья на подарок собрать или там на похороны – снова Игнатьина! Да как у тебя только язык повернулся! – Она вскочила с подоконника и, возмущенно качая бедрами, двинулась к двери их отдела. Через несколько мгновений оттуда донесся ее возмущенный голос:

– Ты представляешь себе, она мне говорит...

До дома Ира добралась в каком-то тумане. В голове вертелись тучи вопросов, но ни одного ответа. Открыв дверь своим ключом, она тихо вошла и, не зажигая света, начала стягивать с плеч пальто, не сразу заметив, что в комнате играет музыка и раздается шаловливый женский смех. Замерев, Ира с минуту прислушивалась к игривому Славиному голосу, к руладам томного женского смеха, а потом медленно опустилась на тумбу для обуви, как была в пальто, снятом с одного плеча. В этот момент музыка стихла, и сразу же раздался легкий удар и звон струн, а затем жаркий проигрыш, сразу после которого Славик затянул своим сильным, красивым голосом:

Ты одна меня волнуешь,
Ты – струна моей души,
Взгляд твой – песня менестреля,
Ты мне эту песню запиши...

Это было нечестно. Это была *ее* песня. Славик написал эту песню именно для нее. Он так и объявил всем, когда в группе отмечали их помолвку (вернее, подачу заявления в загс, ну да не все ли равно)...

Песня закончилась. Несколько мгновений в комнате стояла тишина, а затем женский голос задумчиво произнес:

– А вы очень красиво поете, Вячеслав Эдуардович. Чья это песня, я никогда ее не слышала?

– Моя, Илоночка, – с придыханием ответил Славик. – Я написал ее за одну ночь, сразу после того, как увидел вас в первый раз!

– О-о, Вячеслав Эдуардович, так вы, оказывается, еще и поэт...

Вновь заиграл магнитофон, звякнуло стекло.

Ира медленно поднялась, стянула с себя пальто и бросила его на пол, затем будто во сне прошла на кухню и остановилась у плиты. На плите стоял чайник. Ира протянула руку и коснулась крышки. Чайник был горячий, но не крутой кипяток. В этот момент из комнаты донеслось:

– О-о, да вы шалун, Вячеслав Эдуардович... ну что вы, перестам-м-мня... – Голос затих, заглушенный поцелуем.

Ира молча протянула руки. Сняла крышку с чайника и, взяв его обеими руками, повернулась и двинулась к входу в комнату.

Первой ее углядела гостья. Ну еще бы, она лежала на спине, как раз лицом к двери. А Славик возился на ней, уже блестя голой жопой. Заметив ее, гостья вздрогнула и, упершись руками в Славину грудь, отлепила его от себя.

– М-м-м-нуа, кто это, Вячеслав?!

Слава проворно соскочил с полураздетой женской фигуры, растянувшейся на их семейном ложе и, торопливо натягивая полуспушенные штаны, растерянно забормотал:

– Ирина, я... это не то, что ты думаешь... просто...

Но Ира его не слушала. Она легонько размахнулась и окатила эту потаскуху, по-хозяйски развалившуюся на ее диване, горячей водой из чайника...

Комнату заполнил отчаянный, почти до ультразвука, женский визг. Эта тварь вскочила с дивана и, торопливо сцапав свои разбросанные на полу тряпки, рванула в прихожую. Славик, придерживая штаны, побежал за ней. Ира криво усмехнулась и, повернувшись, пошла обратно на кухню. Из прихожей раздавался растерянный голос Славика:

– Илоночка, Илоночка... ах ты боже мой! Илона Георгиевна, я, право...

Хлопнула входная дверь, а в следующее мгновение в кухню ворвался разъяренный Славик.

– Ты дура! Курица! Клуса! Ты понимаешь, что ты наделала?! Это же дочка самого Георгия Гогиевича! Да диссертация уже была у меня в кармане!

– Уходи, – глухо произнесла Ира.

– Что? – ошарашенно переспросил Славик.

– Уходи, – еще раз повторила Ира и в упор взглянула ему в глаза, – я больше не хочу тебя видеть.

– Но... – Славик задохнулся от изумления. Что это такое она говорит?.. Затем его губы истерично скривились. – Э-э нет, ты меня не выгонишь. Это и моя квартира тоже! Я здесь прописан, здесь мой... диван, теле... тьфу. Я тоже здесь живу.

Ира молча поднялась, сгребла с плиты сковородку и повторила еще раз, уже угрожающе.

– Уходи, Карский, не доводи до греха.

– Ты чего? – испуганно спросил тот севшим голосом и попятился в коридор. Спустя мгновение оттуда послышался его визгливый голос: – Хорошо, я уйду, но ты так просто не отвертись! Я еще вернусь!

Хлопнула дверь, и все стихло. Ира разжала пальцы, позволив сковородке грохнуться на пол, и обессиленно рухнула на табурет. Из глаз градом полились слезы. Ну за что, за что?! И всё в один день... Ведь были же на Руси мужики. Которые вставали ни свет ни заря и шли в поле, и пахали, сеяли хлеб, растили детей, подбрасывали их к небесам своими сильными руками. А когда приходила беда, надевали шеломы, брали в руки мечи и, поцеловав жену и обняв на прощание детей, шли под княжеский стяг, заслонять землю свою от любого, даже самого грозного врага. Не мужики, а дубы, скалы... Куда же они все подевались-то?..

Глава 4

– До Мневников, шеф?

Андрей молча кивнул и буркнул:

– Восемьсот.

– Пойдет. – Мужик влез на переднее сиденье и захлопнул дверцу. Андрей повернул ключ. Под капотом завизжал стартер, мотор вздрогнул раз-другой и сердито заворчал, позвякивая клапанами. Андрей подгазовал, затем включил «поворотник» и вырулил на проспект...

Из СИЗО его освободили внезапно. Уже под вечер раскрылось окошко, в котором сверкнули глаза выводного, затем раздался голос:

– Встать. Лицом к стене. Руки на стену.

Потом загремели ключи. Андрей считался «буйным» (ну еще бы, после того как такое учинил), но в общем охрана к нему благоволила. Во-первых, здесь, в СИЗО, он вел себя совершенно спокойно, во-вторых, все-таки офицер, а в-третьих, несмотря на всякие там режимы секретности, с обстоятельствами его дела все были более-менее ознакомлены. И большинство Андрея одобряло. А еще дело было в том, что среди «правильных воров» хозяин разгромленной Андреем усадьбы считался беспредельщиком, так что и блатные на Андрея также зуба не имели. Наоборот, ходили слухи, что «смотрящий» предлагал администрации поселить «танкиста» в его камеру, обещая проследить, чтобы тому не было никакого убытку. Но, согласно правилам, «буйных» надлежало «селить» отдельно, так что Андрей попал четвертым к еще трем горемыкам.

Выводной вошел в камеру. Окинул четверых сидельцев цепким взглядом, а затем коротко приказал:

– Данилов, с вещами на выход.

Кто-то охнул. Андрей отлип от стены, молча собрал свои нехитрые пожитки и вышел в коридор...

Едва он выбрался за железные ворота, как черный джип, стоявший метрах в сорока от ворот, коротко мигнул фарами. Андрей недоуменно покосился в его сторону. У него знакомых с подобными машинами не было. Он пожал плечами, поднял воротник и, повернувшись к джипу спиной, пошел к автобусной остановке. Джип за спиной коротко взрыкнул мотором, включил фары и двинулся за ним следом.

Когда черная громадина поравнялась с ним, шелкнула, открываясь, дверца и прозвучал уверенный голос:

– Андрей Альбертович, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Андрей остановился и обернулся. Задняя дверца джипа была приглашающе раскрыта, но разглядеть, кто сидит внутри, было невозможно. Что ж, если хотят грохнуть, то все равно грохнут. От джипа не убежать. Да и у тех, кто внутри, явно не только кулаки имеются. А если действительно хотят поговорить, так от него не убудет... Он усмехнулся про себя (да, тюремная камера быстро влезает в человека, раньше он не был таким покладистым) и полез в машину.

– Добрый день, Андрей Альбертович, меня зовут Бальтазар Иннокентьевич. – Мужчина располагающе улыбнулся. – Думаю, ломаете голову, почему это вас отпустили?

Андрей неопределенно пожал плечами. Он, конечно, удивился, но не то чтобы это так уж его волновало. После двух недель в глухой клетке со стенками, обработанными бетонной «шубой», с маленьким, забранным решеткой окошком под потолком и вонючей дыркой параша в углу становишься фаталистом.

– Можете не гадать. Это я обо всем позаботился.

Андрей удивленно воззрился на сидящего перед ним мужчину.

– Нет-нет, не надо никакой благодарности. Более того, скажу честно, я действовал отнюдь не в ваших интересах. Дело в том, что я работаю на... человека, чей дом вы так эффектно порушили.

– А-а-а, – протянул Андрей, внезапно вспомнив фигуру у бассейна, – я вас там видел...

– Несомненно, – удовлетворенно кивнул Бальтазар Иннокентьевич. – Но дело не в этом. Просто... ваш столь экстравагантный поступок создал для моего работодателя определенные сложности. Скажем так, он привлек к нему излишнее внимание, и кое-что из того, что, по уму, должно было бы оставаться в тени, внезапно выплыло наружу. Нет, дело не в официальных структурах. Хотя и тут возникли некоторые проблемы, но вполне решаемые. Трудности возникли в другой среде. – Он всплеснул руками. – Вы не представляете, насколько люди, принадлежащие к так называемым теневым структурам, подвержены ханжеству и закосности. И как они не любят тех, кто смело и свободно отбрасывает заплесневелые законы и традиции...

– А я-то тут при чем? – равнодушно спросил Андрей. Ему были совсем не интересны трудности того уroda, который имел отношение к смерти деда.

– Дело в том, что мой работодатель непременно желает вам отомстить. Что в его понимании означает только одно – смерть. Причем довольно мучительную. – Бальтазар Иннокентьевич грустно улыбнулся. – К сожалению, он слишком привержен идеологии *зверя*. Он считает, что она делает его сильным. А волки ведь никогда не прекращают гона и не бросают загнанную добычу...

– А разве это действительно не делает его сильнее? Ведь зверь не только силен, но и ничем не ограничен, – заметил Андрей больше для того, чтобы что-нибудь сказать. Он уже понял, что ему и так расскажут все, что собирались. Правда, зачем ему это надо и, главное, зачем это надо его собеседнику, он пока не понял. Ну да и черт с ним...

– Вот как? Отрадно, что даже в столь... смутный период вашей жизни вы находите в себе силы задумываться над подобными вопросами. А что касается вашего замечания, то... нет, ни в коем случае нет, – мягко улыбнулся Бальтазар Иннокентьевич. – Если бы это было так, то человек никогда бы не стал тем, кем он стал, а остался бы всего лишь мясом на клыках *зверя*. К тому же, можете мне поверить, в далекие времена, когда человек был еще очень слаб, на этой планете водились звери гораздо более сильные и страшные, чем те, кто сегодня олицетворяет силу *зверя*. То есть всякие там волки, тигры или львы. И даже тогда человек оказался сильнее.

– Ну и к чему вы проводите со мной этот ликбез?

– Ну... ликбез – это всегда полезно, – усмехнулся Бальтазар Иннокентьевич, – к тому же не только с вами. Вон те два джентльмена тоже волей-неволей прислушиваются. – Он кивнул на сидящих впереди водителя и еще одного «джентльмена» шкафообразных пропорций. – Ну а главное, я пытаюсь убедить вас в том, что в просьбе, которую я собираюсь высказать, нет никакого подвоха. Что она столь же выгодна вам, как и... моему работодателю.

– И что же это за просьба?

– Я бы попросил вас, – мягко начал Бальтазар Иннокентьевич, – как можно быстрее ухать из Ленинграда.

– Зачем? – спросил Андрей.

– Затем, что в этом случае у вас появится шанс остаться в живых, а мой работодатель получит возможность быстро утрясти все свои проблемы с теми, кто сейчас настроен по отношению к нему крайне негативно.

– То есть вы гарантируете, что, если я уеду из города, этот ваш работодатель не будет ни искать меня, ни преследовать мою семью?

– Ну почему же, искать-то он будет. Идеология *зверя*, я же говорил... Но... как бы это сказать, гораздо менее активно. И даже при очень небольших усилиях с вашей стороны вряд ли отыщет. Он все-таки еще и бизнесмен. А ваша с ним ма-аленькая разборка создает некоторые

трудности для дальнейшего роста и развития его бизнеса. Так что... если олень спрыгнет в водопад, то даже волки прекращают преследование.

– А если водопад не высок и не глубок?

Бальтазар Иннокентьевич вновь улыбнулся:

– Иногда, если бизнес этого требует, полезно сделать вид, что водопад о-очень высок. К тому же в «идеологии зверя» весьма ценятся безрассудная смелость, презрение к смерти и способность поступать по-своему вопреки всему. А вы все это продемонстрировали вполне наглядно. Так что уезжайте, Андрей Альбертович...

Бальтазар Иннокентьевич проводил взглядом худошавую фигуру, скрывшуюся за углом высокого забора, и, наклонившись, тронул водителя за плечо:

– В «Чепок».

Тот молча включил двигатель и джип тронулся с места.

К дверям модного кафе, служившего штаб-квартирой группировки, у лидера которой Бальтазар Иннокентьевич исполнял функции ближайшего советника, и носившего неофициальное наименование «Чепок», они подъехали, когда уже совсем стемнело. Бальтазар Иннокентьевич покосился на ярко освещенную витрину и едва заметно сморщился. Эти господа, разбросанные по городам и весям огромной страны – от столиц до глухих поселков, – на кого он имел честь работать, все как один страдали полным отсутствием какого бы то ни было вкуса. То, что им нравилось, что вызывало их одобрение, должно было непременно выглядеть аляповато, кричаще и пестро. Впрочем, если бы он хотел найти людей с безупречным вкусом, должен был бы искать их в другой среде. А для выполнения его задачи нужны были именно такие люди...

Он вылез из джипа и двинулся к дверям, украшенным табличкой «Спецобслуживание».

Когда Бальтазар Иннокентьевич вошел, «бык», все это время буравивший его спину тяжелым взглядом, покачал головой и, повернувшись к водителю, пробурчал:

– Не нравится мне этот еврей...

– А чё?

– Ты чё, не понял? Там же был тот урод, что хозяину дом порушил.

– Иди ты?! – не поверил водитель.

– Точно говорю. Я из разговора понял. Могли бы кончить – и вся недолга. Так нет, он его отпустил.

– Ну дела-а-а... – протянул водитель и покосился на «быка»: – Слушай, а откуда ты знаешь, что он еврей?

– А кто же еще? – удивленно переспросил «бык»...

Вечером после «бомбежки» они, как обычно, пили в гараже.

Снимать напряжение тяжелого и долгого трудового дня можно по-разному. Кто-то делает это на теннисном корте, в бассейне или на поле для гольфа, ну а большинству русских мужиков в это тяжелое время был доступен только один способ – застелить верстак старой газетой, нарезать колбаски, селедочки, лучка и... разлить по разнокалиберной посуде «беленькую».

Первая пошла хорошо. Андрей занюхал рукавом, сгреб на горбушку кольцо лучка и кусочек селедочки и засунул в рот.

– Нет, вот это жизнь, – блаженно шурясь, заявил Сема, – ни тебе жены, ни начальства – сам себе хозяин.

Сема был однокашником Андрея по училищу. Он распрощался с погонями еще раньше Андрея. И по собственной воле. Именно к нему Андрей приехал из Питера. Потому как куда еще было податься, кроме как в Москву...

До дома он тогда добрался часов в девять. Позвонил в дверь. Открыл отец. Увидев Андрея, он задрожал и прошептал севшим голосом:

– Сынок...

– Не волнуйся, папа, я не сбежал, – хмуро бросил Андрей и шагнул вперед, отодвигая отца.

– Ну зачем ты так? – укоризненно произнес тот и, повернувшись, крикнул: – Рая, Андрей вернулся!

Мать появилась на пороге комнаты, окинула его оценивающим взглядом и зло резанула:

– Нет у меня теперь сына, вот!

Отец тут же скукожился. Андрей тяжело вздохнул. Что ж, чего-то подобного он ожидал...

Пройдя на кухню, он залез в холодильник и выудил оттуда кусок колбасы и пару яиц. Поставив сковороду на огонь, бросил в нее кусок масла, затем мелко нарезал пару кружков колбасы и разбил несколько яиц. После тюремной баланды обыкновенная яичница должна была показаться ему верхом совершенства.

Отец зашел на кухню, когда яичница уже подходила. Андрей выставил на стол купленную в киоске внизу бутылку водки, бухнул сковороду на подставку и кивнул ему:

– Садись, пап, давай по рюмашке, а то я давно уже ничего такого не пробовал.

Отец торопливо присел на табурет. Андрей разлил. Чокнулись. Опрокинули. Закусили яиченкой. Отец слегка расслабился и улыбнулся:

– Хорошо... Знаешь, я когда-то даже мечтал, что вот так как-нибудь сяду с сыном на кухне, залужу по рюмочке...

– Ну... наслаждайся, – неловко буркнул Андрей.

– Ты не обижайся на мать-то. Ей тоже ведь тяжело. Она ведь всегда мечтала о том, какая у нас будет уважаемая и обеспеченная семья. Как все будут нас уважать и даже где-то завидовать. А видишь, как оно в жизни получается-то...

– Да я понимаю, – кивнул Андрей, – и не обижаюсь. Ну что, повторим?

– Повторим, – кивнул отец. Они накатали еще по одной.

– Ну и что ты делать думаешь?

– Уезжать мне надо из города, – объявил Андрей.

– Это почему? – удивился отец.

– Да так, умные люди посоветовали. Пока все не уляжется.

– Ну... раз так, то да, – согласился отец.

– Пап, я машину дедову заберу, ладно? Она ж все равно моя. Ее дед на меня переписал, еще когда я училище окончил.

– Бери, – согласился отец. – А куда думаешь податься?

– Знаешь, я пока лучше говорить не буду. Ну мало ли что? А так – вы и вправду не знаете.

– Разумно, – согласился отец. – Ну что, по третьей?

Они накатали и по третьей. В этот момент в кухне появилась мать.

– Все пьете? Я так и думала. Ты бы, Альберт, лучше брюки погладил. Завтра в люди идти.

– И действительно, – засуетился отец, – пойду поглажу.

Когда он, сопровождаемый суровым взглядом матери, выскочил из кухни, она покачала головой и уставилась на сына. Андрей продолжал невозмутимо поглощать яичницу.

– Ну что, добился своего? – сварливо начала мать. – И на что теперь жить прикажешь? И так денег не было, а тут появился единственный шанс, так ты же своими руками его и угробил!

– Ничего, – буркнул Андрей. – Он-то больше потерял.

Мать всплеснула руками:

– Дурак ты, дурак! Ну чего ты добился-то? Петр Демьянович все одно мертвый. Умер он, понимаешь? Умер. Закопали его туда. – Мать ожесточенно ткнула пальцем вниз. – А мы, –

тут она всхлипнула, – мало того что денег лишились, так еще и тебя едва не посадили. Ну чего ты полез? О себе думать надо, о себе! Время сейчас такое...

– Мам, не начинай, – сурово произнес Андрей.

– Ох, Андрюшка, – вздохнула мать, внезапно теряя весь свой обличительный пыл, – я ж за тебя боюсь. Да черт бы с этими деньгами, хотя они нам очень бы сейчасгодились, но ты ж вечно в какие-то истории вляпаешься. Думаешь, из этой выбрался, так и всё?

– Не выбрался еще, мам, – тихо произнес Андрей и, увидев, как побледнело лицо матери, торопливо добавил: – Да нет, не то, что ты думаешь. Не сбежал я. Но в городе мне оставаться нельзя. Так что уезжаю я. Завтра.

– И куда?

– Видишь ли, мы с папой решили, что вам об этом лучше не знать.

– С папой, – вздохнула мать. – Скажи уж, сам решил. На твоём отце всю жизнь ездят. Сам-то он никогда ничего не решает...

– Ну... не важно, – неловко произнес Андрей. – Он мой отец, и я его люблю. И тебя тоже...

На следующее утро он поднялся рано. В коридоре стоял чемодан с его вещами, собранный матерью, и сумка, которую сложил он сам. Он уже натягивал куртку, когда в прихожей, щурясь от света, появился отец. Он неловко протянул сыну маленький бумажный сверточек.

– Вот, возьми. Здесь триста долларов. Не бог весть что, но на первое время...

Андрей почувствовал, как к его горлу подкатил ком. Он покачал головой и молча обнял отца. Затем повернулся. Взял чемодан, сумку и вышел из дома...

– Нет, ну ты мне скажи, с какого такого бодуна мне такую жизнь портить? – вернул Андрея в настоящее голос Семы. Тот оседлал своего любимого конька, в очередной раз убеждая всех, что главное для человека – свобода. – Сам посуди: свои три сотни баксов в месяц я легко имею. И это чистыми, за вычетом бензина и текущих расходов. И мне вполне хватает. Вот еще только машину поменяю... – Он мечтательно закатил глаза. – Я уже присмотрел себе... «Форд-Сьерра». Ласточка... бензина жрет – каплю, а как по трассе идет... Мне Бульбаш дал прокатиться.

Бульбаш был одним из своих, «бомбил».

– Я уже уточнял, – перешел на деловой тон Сема, – за две триста можно свободно взять.

Первые два месяца Андрей жил у Семы. Дедова машина была в довольно страшненьком состоянии, так что все триста баксов ушли на то, чтобы привести ее в более-менее божеский вид. В принципе Андрей готов был заняться чем-то другим, но Сема убедил его, что «бомбить» – это самое то, безапелляционно заявив, что «корячиться на дядю – последнее дело, а тут – свобода». И все бы ничего, но время от времени Сема надирался так, что у него начинались глюки. Так что, как только финансы позволили, Андрей от него съехал, сняв совершенно убитую однокомнатную квартиру на окраине Железнодорожного.

Тем вечером компания засиделась надолго. Андрей ушел домой в половине второго, а гулянка еще была в самом разгаре. К полуночи подошли девки из киосков у метро, сменившиеся с суток, и разгул принял совсем уж непотребный характер. Андрей еле отбил от одной; ее звали Маруся, и родом она была с Тамбовщины. Как рассказывали девки, по первости сильно робела и шарахалась от мужиков, но потом вошла во вкус и нынче в их компании считалась самой разбитной. Так что для того чтобы выдержать даже первый натиск, Андрею пришлось изрядно потрудиться... Но к часу, поняв, что сегодня с «этим красавчиком» может произойти полный облом, Маруся быстро переключилась на Сему и спустя пару минут уже исчезла с ним в одном из соседних гаражей. Зато к Андрею тут же начала подбивать клинья другая девица. Он понял, что надо либо сдаваться, либо убегать, и решил... уйти. Его не слишком привлекал

регулярный торопливый секс с пьяной молодухой в полутемном гараже на куче засаленных ватников...

Следующий день оказался дохлым. Ну бывают такие дни, когда все вроде бы как обычно, а масть не идет. К полудню Андрей едва набрал четверть от обычной нормы. Затем прокол левое заднее колесо, причем как раз тогда, когда вроде как сел выгодный клиент. Мужик очень торопился в Домодедово и обещал двойной тариф... Клиент пересел в другую машину, а Андрей полчаса трахался с колесом. Болты прикипели так, что один пришлось срубить на фиг. Пытаясь спасти день, он решил поработать подольше...

Эти двое сели на «Динамо» уже в первом часу ночи.

– В Бирюлево, шеф, – бросил один. Андрей недовольно поморщился. Гнать на окраину, да еще так поздно, было чревато. Ну да волков бояться – в лес не ходить.

– Тысяча сто, – бросил он, заводя мотор.

– Поехали, поехали, – успокаивающе пробурчал второй.

О том, что с этими двумя что-то не так, до Андрея начало доходить, когда он свернул на Пролетарский.

До Бирюлево оставалось немного, и он уточнил:

– Куда в Бирюлево-то?

– Езжай, там покажем, – буркнул первый, и Виктор заметил, как они переглянулись.

– Нам до гаражей, – пояснил второй, – машину вот хотим взять. Надо бы проверить. Ты вот свою как, сам чинишь или помогает кто? А то можем порекомендовать отличных мастеров... – Второй засмеялся. Первый недовольно покосился на него, а у Андрея вспотели ладони. Среди московских «бомбил» уже давно ходили истории о ночных пассажирах, которые вот так же брали машину до глухой окраины, а потом и машина, и водитель навсегда исчезали с московских улиц.

– А до каких гаражей-то? – холодея, спросил Андрей. – До тех, что у насыпи?

– Да ты не волнуйся, – недовольно пробурчал первый, – там увидишь...

Андрей сглотнул. Вот черт, и ни одного мента как назло! Да уж, гримасы судьбы – то едешь клянешь, а тут хоть молись! Можно было, конечно, притормозить и выскочить из машины, но кто его знает, может, это просто фантазии, да и машину жалко, потому как если нет ключа, то закоротить зажигание легче легкого. И прощай, ласточка.

– А машину я сам ремонтирую, ребята, – делано веселым голосом заговорил он, лихорадочно размышляя над тем, что делать. – Я ведь бывший танкист.

– Танкист, – хмыкнул первый, – как же, знаем – братская могила четверых.

И тут у него что-то забрезжило.

– Это вы зря, – обиженным голосом протянул Андрей. – Вы, видать, ни разу в танке не ездили. – Он резко надавил на тормоз и развернулся к пассажирам: – А хотите – прокачу?

– Чего? – ошарашенно протянул первый. Но Андрей его не слышал. Он выскочил наружу и подбежал к капоту. Поломавшиеся пружины он давно уже снял и выбросил, поэтому капот просто откидывался на лобовое стекло. Андрей откинул капот, хмыкнул, пока те хмыри в машине его не видели, и шустро юркнул на место.

– Э-э, парень, ты чего это? – обеспокоенно вскинулся второй. Но Андрей уже захлопнул дверцу.

– Первая! – рявкнул он, и машина прыгнула с места. Между обрезом капота и рамкой лобового стекла была узкая щель, в которую кое-что просматривалось, но парням на заднем сиденье она была не видна.

– Вторая! – весело заорал Андрей.

– Ты чего, идиот? – заверещали сзади.

– Башнер! Подкалиберным, заряжай! Прицел семь! Упреждение полкорпуса! Наводить под башню! – Андрей заложил крутой, до визга покрышек, вираж и с грохотом перелетел через трамвайные пути. – Механик, бля, дорожку!

– Мужик, – проблеяли сзади, – останови, слышь! Нам здесь надо.

– Есть дорожку! – торжествуяще проорал Андрей, выруливая на осевую, и врубил четвертую. Машина рванула вперед.

– Эй, мужик, вот деньги. – На переднее сиденье упало несколько смятых купюр. – Мы уже приехали, мужик...

Андрей с размаху топнул по педали тормоза. Тормоза отчаянно закричали, капот с грохотом рухнул вперед, а машину повело влево. Через несколько секунд они остановились. Андрей повернулся к пассажирам:

– Ну как танк?

– Лечиться тебе надо, мужик, – буркнул первый. А второй вылез молча...

До дома Андрей добрался через полчаса. Войдя в квартиру, он, не снимая ботинок, прошел в ванную и, открыв кран, присосался к нему ртом. Напившись, утерся рукой и все так же в обуви прошел на кухню. Вытащив из холодильника бутылку водки, он оглянулся, ища стакан. Все имеющиеся были свалены в раковине. Тогда Андрей открыл сушилку, вытащил чайную чашку и налил водку в нее. Залпом выпив, он некоторое время стоял, уставившись в стену невидящим взглядом, а затем прошептал:

– Я больше не хочу так жить...

Но мир его не услышал. Тогда он произнес громче:

– Я больше не хочу так жить!

Мир слегка повел ухом. Андрей повторил еще раз:

– Я. Больше. Не хочу. Так. Жить!

Мир недовольно поморщился. Подумаешь, какая-то букашка чем-то там недовольна. Вот новость-то...

Андрей стиснул бутылку водки и со всего размаха жакнул ею об стол. Брызнули осколки, во все стороны полетели брызги водки и кровь из распоротой стеклом руки.

– Я! Больше!! Не хочу!!! Так!!!! Жить!!!!

Мир вздрогнул. Это уже был голос ХОЗЯИНА, человека, который сам определяет свою судьбу. И судьбу многих других людей. К этому голосу стоило прислушаться. И мир прислушался. Со всем возможным вниманием. Только Андрей этого пока не знал. Он тяжело вздохнул, покосился на залитый водкой и его собственной кровью стол, на засыпанный стеклом пол кухни и, повернувшись, двинулся в комнату искать бинт...

Глава 5

Олеся позвонила часа в три. Когда зазвонил телефон, Виктор вскинулся на постели и торопливо смахнул трубку с аппарата. Еще не хватало, чтобы Сонька проснулась... Соскочив с кровати, он подобрал трубку, подхватил сам аппарат и выскочил в коридор, благо длинный шнур позволял.

– Слушаю...

– Витя, сейчас звонили из милиции. Антон устроил драку в ресторане...

Виктор потер лицо кулаком.

– Ясенько... Ладно, сейчас подъеду... Да, где он?

– В сорок шестом отделении.

– Понятно, – хмыкнул Виктор. Значит, Антон опять гудел в «Медведях»...

До отделения он добрался быстро. На его счастье, этой ночью дежурил знакомый майор, который уже не раз «принимал» Антона в «обезьянник», так что с разными формальностями (в том числе и неформальными) разобрались довольно быстро. Предстояло еще возместить почти полторы тысячи баксов ресторану, ну и дать сотню официанту, которому Антон умудрился разбить нос. Больше – вряд ли, поскольку, судя по внешнему виду Антона, официант тоже в долгу не остался. Майор клятвенно утверждал, что милиция ни при чем и «клиент» выглядел так уже к моменту приезда наряда. Но поскольку Антон считался зачинщиком драки, официант был вполне в своем праве.

Когда Виктор усадил Антона в машину, тот угрюмо спросил:

– Водка есть?

– Нет, – мотнул головой Виктор, – только вода. – И сунул ему пластиковую бутылку минералки.

Антон тяжело вздохнул и присосался к бутылке...

Они уже подъезжали к подъезду, когда Антон, зыркнув на Виктора исподлобья, тихо спросил:

– Моя позвонила?

– Да, – кивнул Виктор.

– Ничего больше не рассказывала?

– А чего тут рассказывать, – хмыкнул Виктор, – и так все ясно.

– Ну и ладно, – с облегчением сказал Антон и нажал на ручку дверцы.

– Сегодня появишься? – запоздало спросил Виктор, но Антон только пожал плечами...

В фирме Виктор появился к половине десятого. Его уже ждали. Антонина Алексеевна, главный бухгалтер, стояла перед кабинетом с папкой в руках.

– Подпишите, Виктор Петрович.

– Конечно, Антонина Алексеевна... – Он кивнул и, открыв дверь своим ключом, приглашающе указал рукой. – Проходите.

Два месяца назад они переехали из подвала, сняв под офис пару комнат на втором этаже какого-то бывшего отраслевого НИИ. Так что теперь у них с Антоном даже был свой кабинет.

Сев за стол, он раскрыл папку и склонился над ней.

– Антонина Алексеевна, вот тут у вас ошибка.

– Где? – наклонилась та.

– Я не генеральный директор, а коммерческий.

– Да? – Главбух покачала головой и покосилась на него. – А пора бы... Пока Антона Ольгердовича на рабочем месте дождемся, все сроки подачи отчетов пройдут...

Когда за бухгалтером закрылась дверь, Виктор сложил руки в замок и, уместив на них подбородок, задумался. С Антоном действительно надо было что-то делать. Дела у фирмы шли

в общем-то неплохо, но Антон совсем выбился из колеи. Он мог позволить себе не появляться на работе неделями. А то появиться, выгresti из сейфа всю дневную выручку и опять исчезнуть на неделю. А на все упреки Виктора упрямо отвечал: «А я на свои гуляю».

Свои-то свои, но подобный хозяин все больше становился для фирмы не локомотивом, а тормозом... Впрочем, насколько Виктор представлял ситуацию, Антон был такой не один. Многие из тех, кто бросился в бизнес на первой волне, сломались на испытании богатством. Вернее, тем, что им показалось таковым. Подержанный «мерс». Французское шампанское ящиками. Длинноногие покладистые девочки, восторженно закатывающие глазки. Рестораны... Народ радостно кинулся в объятия того, о чем раньше только читал в романах Эрла Стенли Гарднера и иже с ним. Скромное обаяние буржуазии, блин. Но ёлы-палы, а как же фирма? Как вот уже четырнадцать человек, которым «дело Мякишева» позволяло не только сводить концы с концами, но даже существовать довольно прилично? Да и сам Виктор, он что, должен и дальше быть кем-то вроде няньки при взрослом семейном мужике (правда, частенько забывающем о своей семейности)?

День прошел ожидаемо нормально. Даже переговоры с официантом по поводу того, чтобы забрать заявление из милиции, оказались более успешными, чем он ожидал. Тот был вполне удовлетворен, так сказать, физической сатисфакцией. Поэтому дело ограничилось всего лишь полусотней...

А вечером Виктор поехал к Антону.

Антон «болел». Это означало, что он валялся на диване и пялился в телевизор. Из «лекарств» при нем был только «джин-тоник» и холодный компресс на лице. Увидев Виктора, он слабо помахал ему рукой:

– Ну как там?

– А сам поинтересоваться не желаешь? – с иронией спросил Виктор.

– А зачем? – слабо пожал плечами Антон. – Там же ты.

Виктор посерьезнел:

– Вот что, Антон, есть разговор.

Тот лениво кивнул рукой:

– Знаю, знаю все, что ты мне скажешь. Что так нельзя, что я себя гроблю, что надо заниматься делом... мне уже Олеська все уши прожужжала. Ну да, вы правы, и что? – Он вдруг оживился и, воровато оглянувшись, зашептал: – Слушай, я вчера такую девочку снял – пальчики оближешь...

Виктор покачал головой и внезапно громко сказал:

– Всё.

– Что всё? – не понял Антон.

– Конец схватки, Антон. Я ухожу.

Антон несколько мгновений ошалело пялился на него, а затем испуганно спросил:

– К-куда уходишь?

Виктор пожал плечами. Когда он шел к Антону, в его планах действительно был только разговор. Очередной. Но сейчас он внезапно... даже не понял, а осознал с предельной ясностью, что разговор ничего не изменит. Что всё, «висячка»², и как бы он ни трепыхался, будет только хуже... Поэтому надо «рубить».

– Пока не знаю. Может быть, к Илиеву, он меня давно зовет. А то открою свою фирму.

– То есть как это? – Антон сел на диване. – Значит, как припекло, к Мякишеву прибежал, а теперь всё – в кусты? Или забыл, как деньги у тебя отобрали?

А вот этого говорить не стоило. Виктор нахмурился:

² Болевой прием в стойке.

– Я те деньги уже давно отработал. И ты на своих дебошах уже в три раза больше из фирмы высосал.

– Моя фирма! – вскинулся Антон.

– Верно, – тяжело кивнул Виктор. – Вот потому-то я и ухожу. Слов ты не понимаешь, а сделать я уже ничего не могу. Живи как знаешь. А мне надежное дело нужно. Мне еще дочку поднимать надо...

Расчет Виктор получил на следующий день. Вернее, взял сам. Поскольку Мякишев так на фирме и не появился. Главбух деликатно поинтересовалась:

– И чем думаете заняться, Виктор Петрович?

– Пока не решил, Антонина Алексеевна.

– Понятненько, – кивнула она и неожиданно добавила: – Нужен будет бухгалтер – звякните.

Виктор сначала изумленно уставился на нее, а потом улыбнулся и кивнул:

– Договорились.

Следующие два дня он наслаждался общением с дочкой. Сонька просыпалась первой, вылезала из кровати и шлепала к нему. Забравшись ему на грудь, она раздвигала пальчиками его веки и кричала:

– Папа, ты же уже не спишь!

Они ходили гулять в парк и катались на каруселях. А вечером вместе смотрели мультики.

На второй день она выдала:

– Ой как здорово жить, когда папка безработный!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.